

СМЕНА

№ 20 (922) ОКТЯБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**ТОРОПИТЕСЬ, ДОКТОР,
ВАС ЖДУТ!**

ФОТООЧЕРН О СЕЛЬСКОМ ВРАЧЕ
СМОТРИТЕ НА 4—5-й И 8—9-й СТР

Олег СКУРАТОВ

В ЖЕЛЕЗНЫХ НОЧАХ ДЕШЕНЬ

20 февраля

День уже позади, и я записываю в дневник прошедшее, с тревогой поглядывая на качающиеся пламя огарка. Вечерние залпы заменяют мне отдых, а главное, отвлекают от мыслей о себе... Есть ли что-либо мучительнее? В обед я не удержался и съел больше, а вот теперь... Какой-то шум в голове, но, пока есть свет, я продолжаю писать, да и странно ложиться в кровать... В такое вот ночь и умирают прямо во сне.

Утром в райкоме меня познакомили с Владимиром Каховским. Накануне он объявился у секретаря и сказал, что «еще может быть полезен»... Откуда-то узнал, что формируются молодежные бригады. Родители погибли. Говорит, еще осенью, в праздник. Значит, не от голода. Тогда умирали только от бомбежек...

Днем мы оборудовали под «штаб» котельную. Поставили «буржуйку», привезли на санках дрова из райкомовских запасов. Уже не помню, о чем мы говорили. Кажется, молчали. Узнал, что ему шестнадцать.

Да, он мне сказал, что живет у брата, вернее, там, где тот жил раньше. Я не расспрашивал.

Когда к вечеру мы с ним прощались, он вестяки умылился.

— Знаете, Александр Павлович, вдвоем лучше, а то сидеть один. Дни длинные-длинные. А от тинины уже плохо слышать стал... Да и по трансляции один метромом. Кажется, что кто-то по коридору идет...

23 февраля

Недавно я побывал в том доме, где теперь предстоит работать. Высоченный гранитный дом... Я шел по Некрасовской и видел его еще издали, через Мальцевский рынок.

Упрадوما я нашла в третьем дворе. Он стоял у опавшей наледи и лопатой выбивал ступеньки. При этом что-то выговаривал двум женщинам, которые поднимали из проруби обвязанную веревкой кастролю. Одна из них устало отмахнулась:

— Попробуй тут не пролей...

Мне всего и надо было — получить от него списки домового молодежи. По-моему, я говорила вразумительно, но он только педоловоно двигал зашнурованными бровями и молчал. Когда говорить мне стало нечего, он пригласил меня в домовую

контору. Еще сказал, что его фамилия Савицкий.

И вот мы в комнате, где раньше была эта контора. Наверно, еще недавно она выглядела иначе... Я иду вслед за оправдомом, перегибаясь через выбитые рамы и стараясь не поскользнуться на осколках стекла. А Савицкий дергает в руках заледеневый замок и сокрушено смотрит в пустое окно.

— Три дня всего не было, и вот...

В его огорченном, чуть ворчливом голосе как бы слышится: вот, мол, стоит недосмотреть, и на тебе...

Рукавом ватника он стряхивает со стола снег и спрашивает:

— Так вам какие нужны списки? Если очень точные, то после первого увидим, кто за карточками придет. А сейчас двадцатое, так что сами понимаете...

Понимать-то я его понимаю, только слышу с трудом: рот у него до самых усов закрыт шерстяной маской, а у меня к тому же бинты под ушанкой.

«Буржуйка в блокаде, — думаю я, — зайдите после первого...»

А Савицкий разводит руками.

Фото Д. ТРАХТЕНБЕРГА

АВТОР ЭТОГО ДНЕВНИКА — ОДИН ИЗ ТЕХ, НА ЧЬЮ ДОЛЮ ВЫПАЛО ПЕРЕЖИТЬ ДЕВЯТЬСОТ ДНЕЙ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА. ЕГО ДНЕВНИК — СВИДЕТЕЛЬСТВО МУЖЕСТВА И ОТВАГИ КОМСОМОЛЬЦЕВ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА. ПУБЛИКУЙТЕ ЗАПИСИ ОЛЕГА СКАРГАТОВА В ДНИ 47-ЛЕТИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. МЫ ХОТИМ ВОСКРЕСИТЬ В ПАМЯТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ОДНУ ИЗ СЛАВНЫХ СТРАНИЦ ИСТОРИИ КОМСОМОЛА.

— Удивительно, письменный стол ушел... сразу видно — старинная вещь, руками сделана. И взрывная волна не берет... А у вас документик-то какой-нибудь есть?
— Удостоверение, выданное райкомом комсомола, прокондит должное действие.
— Так, значит, ребятишек мобилизуете? — задумчиво спрашивает он и смотрит в окно.
— Не мобилизуете, а организуете! — в тон ему отвечаю я. — Молодежкий отряд будет у вас в доме. Хотим жильцам помочь...
— А на крыше поможете? — перебивает меня урядом. — А то у меня последние люди из самозащиты на каземном этаже. И воды нет... Хорошо еще, сейчас затихне на бомбежку-то.
— Между тем он достает тогосту домовую книгу. Варежка его скользит по столбику фамилий, список останавливается, потом движется дальше. Савицкий словно припоминает что-то, а я переминаюсь у стола, жду.
— Борис Макуров. Двадцать восьмой... Значит, сейчас четырнадцать. Подходит.
Тут я zaseбае:
— Вы что, костюм мне предлагаете? Ведь мы о людях говорим. И потом — четырнадцать... Это же совсем мальчишки!

Он подыскал из-за стола и сушу мне в руки домовую книгу.
— Выбирайте сами. Только не лезьте в бутылку. Если я говорю «подойдет», то я знаю, что говорю.
Потом он отбарау у меня журнал и примирительно произнес:
— Если уж урядом своих мальчишек не знает, что его уловлять надо. Вот вы испугались, что ему четырнадцать, а он уж повоевал летом...
— Повоевал?
— Милый мой, — сказал мне Савицкий, — сейчас мальчишки стекала во дворах не бьют. За них война это делает... Так вот, жид тогда Боря в пионерском лагере. Ну, эвакуировать вроде их вовремя ставле, немцы еще у Псковы были. Стали деть в знамен сагать, а тут фашистские мотоциклисты в Красные Струги и вкатили. Охрана станции — человек пятнадцать — с пригоро отстреливается, а мы детинек в вагоны заталкаваем... Чего говорить, те были минутки. Тронулся поезд, стали ребят пересчитывать вот Боря Макуров... Только уже за Лутой догнала нас аршина со станции. Командант привел. Двоих раненых и Боря, живого и здорового, вывел, значит, оттуда... «Поуачайте», — говорит, — вашего бойца. Прибежал он к нам в день, язык у раненого выткнуто и стрела по немцам, пока я отходил, не вошла... «А остальным» — Все здесь, нас только четверо и осталось...»
— Вот так, — добавля Савицкий, — год рождения, значит, двадцать восьмой. Теперь ему четырнадцать. Так подойдет вам в бригаду-то?
Я чувствовала себя провинившимся мальчишкой.
— Вот не знаю, — продолжал он, — как быть с Дымовым, этому шестнадцат, но дистрофия... лежит, а ведь всю осень на крыше дежурил. А вы тогда в Ленинграде были! Помните те бомбежки!
— Нет, осенью уже не был... Еще в августе с оплоачением ушел. Два месяца только воевал... и я, как бы оправдываясь, показал на битны под ушанкой. — Под Дубровской захелал. Пока, как видите, в райкоме работаете. Ну, давайте дальше... А скажите вот Виктор Вокский из комсомода второй, только тоже очень слабый... Да и не вядно что-то давно...
Он переписала.
Я оставала список.

24 февраля
— Мы четверо. В райкоме мы назывы «комсомольско-молодежкий бригады». И сегодня, как говорится, с часу начали работать... Правда, перед этим я долго «разяслял» ребятам наши задачи. Кажется, стараясь зря. Они и без меня прекрасно понимают, что надо делать и что можно отложить. В пятнадцать лет сейчас взрослые люди.
— В первой квартире, куда постучались наша бригада, нас встретила старик, по уши обернувший в плад и долго с изумлением гладывший на нас из-под нахмуренной, на редкость высоченного лба. Узнав, кто мы, гостеприимным жестом пригласила в комнату.
— Извините за отсутствие от правна, — сказала он, — войду вперво. Вечный мрак... Он внес светлячки в комнату и только тогда позвал нас:
— Прову быстрее, берите тепло!
Особенно беречь было нечего: в огромной, метр сорочка комнате даже с ушами не чувствовалось тепла. Памя, бегачею по фитилю, едва освещало дламною стелу с зашвенным окном.
— Наверно, художник, — шепнула мне Геня, — у стелы мольбертов сколько поставлено.
— Не мольберты это, а холсты на подрамниках натянеты, — вскажало поправил его Вокский, — у моей мамы их пропасть была.
Еще в домууправления, где я был сведения о жильцах, мне сказали, что в этой квартире должен быть художек Редаккин, но вот жид он он, там не знала, и я был рад, что против его фамилии могу оставить красную галочку.
— Так вот четвертом и ходите, разбойнички! — обласкала нас старик, ускаживаясь в старое, продавленное кресло.
— Так и ходите — соладно отозвался Вокский. По его тону можно было заключить, что он всю жизнь занимался этим делом.
Надо было с чего-то начинать. Мои ребята жалсы около двери, а я жевал разные вводные слова, не решаясь произнести их вслух. Не пойму, что это и так растерялся.
Редаккин помолчала, а потом сжалась и вымучила:
— Ну, что хорошею в этом самом мрачном из миров, разбойнички!

Он повернулся к двери, и по освещенной стороне его выпуклого лба весело змарила отсветы котляки.
Я поднял носком сапога задвижку на «буржуйке» и, осмелев, сказал:
— Хорошего немного, но тем приятнее, что оно все-таки есть. Вчера, например, в тьму у немцев взят Дорогобуж.
— Вот как! А у меня трансация испортилась, — пожаловался Редаккин. — Может, почините? Вон в уату...
— Она по всему городу не работает, говорят, электростанция без топлива, — огорчено сказала Геня.
— Да, хорошего еще немного, — задумчиво протянула наш подоченьный. — Но Дорогобуж? Это, пожалуй, только наши могут, это не правкам... ураз — и идеаль город...
Он засмеялся, потом закашлялся и уже мрачно произнес:
— Нет, это не раз — взять в тьму у немцев город, хотя бы и такой небольшой.
— Дрова-то у вас есть? — спросила Вокский, вьид, как уя выгребало на совок пунистую золу. — Мы затопим. Где ваш чулан?
— Спасибо, спасибо, разбойнички, только не лишайте старика последнего удовольствия... я толяю сам.
Он подыскал, взяв со стола котляку и внимательно посмотрел на нас.
— Уж извините меня, я ужасно устал... да и неколо себе чувствовать: первый раз в жизни не могу гостей к столу пригласить...

26 февраля
Немцы окружены в районе Демискаля! Пусть почувствуют на своей шкуре, что значит быть в окружении. Может, инде так не лютуют, как в Ленинграде. Мы-то выжили, а вот как побориться хоть влоачину с ними...

27 февраля
Мы поднимаемся на шестой этаж. Когда-нибудь это будет звучать обаяливо. Когда забудут, какие были в Ленинграде лестницы. Вьизу это ледяная гора с выбоинами вместо ступенек. И только, пожауай, с четвертого это лестница, хотя и очень обделавшая. Меньше чужды, меньше пролаывают войу.
Стокла входу выбиты, под окнами на площадке известка и снег. Дует жестко отчаяно. Двери на балконе, конечно, нет: кто-то стошна. Самшно, как на крыше ворячуются ржавые листы.
Вначале мне показало, что это ветер, но, прислушавшись, понял, что за дверью делавидной кто-то плачет. Сдавлено так, по-детски... Затихни и снова плачет...
Вмиг оказался у двери, но не постучал, а как обычно спокойнее спросил:
— Кто ты... и почему ты плачешь?
Теплина за дверью. Наверно, вьпугала.
Я спросил еще раз, стараясь приглад своему голосу, хриплому и замершему, спокойные ноты. Молчанье...
Помнеюго подыскал ребята, смотря на занавешенную дверь. Может быть, мне показало! Негромко постучал. В ответ ивственно послышался испуганный и какой-то очень усталый плач. Мы переглянулись.
— Это, должно быть, Таня Смирнова, — сказала Геня. — Не поминь! — Он повернулся к Виктору. — В своем плаче, лода... ну, все в жалсы во дворе пригала. Я-то ее знаю: она с моей сестренкой дружила.
— Открой нам, Таня, не бойся! Иан маму позыв...
За дверью послышались вскашывания.
— Скажу ей, отец! — сказала Валяда у Гени.
— Шесть мал семь, чет и все летчик.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ
Год издания сорон второй
Выходит два раза в месяц
ОКТАБРЬ
1965
(927)

— Ну вот, — говорит Виктор, — теперь держите хвост, пока не заветает. А хвостик поднимать и не пробуйте: рыбак большой получится...

«Да, мой ребятишка поинтернее меня в этом деле. Осевь их минутоу начула», — с горечью думает я, глядя, как Геня засыпает снегом дымчине-сы блины.

Новая бомба с треском проламывает крышу и ударает в кирпичную трубу. Мы пригибаемся, а шаг за шагом вспыхивает яркое пламя.

«Слева!» — хохот крикнуты я, но только кажието из трещины выдохло пара. Руки лопнут от жару, жидкая я не вымалку стембализатор и жаду, когда захлебнется бурлящей водой заглазка. Если отступить ее сразу, то она еще успеет прожечь дыню бочка.

Из-за дымохода выбегает Геня и с размаху бьет лопатой по горке снега. — Идите к бомбе, Витя не справитесь!

«Самышка хочет, бомба ведь маленькая», — думает я, снова вспоминая залопнувшую инструкцию.

Звонит лопата, отсканывая в сторону. Наверно, рухнула бомба. Замерз песок: мокрый, видно, было раньше.

И тут я увидел, как Геня нагнулся, прикрыл глаза руками ватника и схватил заглянку за стабилизатор. Поднял я, невольно кивнувшись, пошел к окну. Забрехала крыша, и Геня отнял от лица дымчине-сы рукава.

Вот Виктор.

К нему подбежал Витя.

— Здорово ты еи!... И Витя стал бить рукавичками по Генвиному ватнику, от которого тонкими завитками поднимался седьмой струйки.

А по крыше словно железным прутом хлестало с шумом.

— Нани... осколки... — прошептал Геня. Губы его подрагивали. — Ну и испугался же я, думал, что урюю...

Потула моя загнила, из всех углов вылакала туманом. Далеко, у шахматной доске, мерцал маленький огонек котилка, да за чердачным окошком разрывами зениток мигало небо.

К нам подошла Саввицки. Он принес ведро воды и стал подвигать деревянные блины.

Видя, мы не хвастались. И в нашей стороне пошла по прищасе. — Осмотрелся я око и добавил: — Отблудились... Как говорится, любимый город может спать спокойно...

— Он ошибся. Небо как будто вспыхнуло. В десятках мест зажигались желтые, дымные огни.

Видя, мы не хвастались, осветила темные бока аэрозотар и бросая блины на крышу домов.

— Десант! — прошептал Геня.

— Ракеты! — улавлившим голосом сказал Саввицки. — Осветительные ракеты! Выходят, ребятиш, сейчас только и начинается.

Отстреловало залповый зенитки.

— Ну, я поеду, — сказала Саввицки, — посмотрю, что с той стороны делается, а вы у трубы пока стойте.

Он похлопал по едва различимым кирпичам дымохода.

— Эти выстопят... За здорово живешь не развалитесь, вылетите в желтые замешено...

Нараставший вой бросает нас на бачки. Балезки разрыва сотривает дом. Качнулся чердак, захрипел пол.

— Рядом...

Еще не стик в ушах грохот обвала, как в дальнем углу похлопала свет.

И что-то кричу, но кто меня сейчас может услышать!

Ребята бегут, согнувшись, к рывкему пламени, пожемо на большой белугальский огонь. Вилку, что вперед Геня. Отгненные блины уже вырвали из туманов его маленькую фигуру и мелуваили на лопате, которую он держит почему-то наперек.

«Как в атаку...» — только и успев я подумать, потому что огонь, к которому мы бежали, вдруг подпрыгнул, и следом за рывком грохотом кто-то мягко толкнул меня в лицо и вытолкнул.

И стою на коленях и опираюсь спиной тулу, где по-прежнему бунует пламя. Ребят не видно, и мне становится странно, потому что я слышала, как по чердаку проносились осколки...

Рядом поднимается Виктор, и я, двадцатиградусной вьюгой, спрашиваю:

— Что так случилось?... и показывая на огонь.

— Гранату приделаали! — кричит он. — Осевью такне кидали... И идет к бомбе.

Я делаю несколько шагов и сползаю.

Геня!

Он смежит, протяну вперед руки, и мне кажется, что он хочет дотряться до отлетевшей лопаты.

— Геня!

Я хватало его за плечи, но он сам садится и ищет мне в самое лицо:

— Я устал, просто устал... Он держится двумя руками за ушанку. — Идите к бомбе, Витя не справитесь!

— Сейчас мы вернемся! — Я растерянно смотрю на него, поднимая лопату и бегу к Витюру.

Он кружит около бомбы и старается ухватить прищасе за хвост.

— Таша на песоч! — кричит он. — Такую не подменишь!

Бомба была действительно большая, больше полуметра. Отгненные брызги летели сполом, дымился на валежках.

— Бери под вузо! — кричит Виктор, ворячая бомбу.

И я, морщась от нестерпимого жара, стараюсь просунуть лопату между бачкой и раскрасневшимся корпусом бомбы.

— Бальке к середине!

— Не жалею, но поподаст в кирпичную трубу. Задмылся черенок.

— Толкай к неску!

Только с остервенением и чувствую, как меня оставляют сплать...

Но вот стартовая залповую бомба — на горке песку. Бугует огонь, но поподаст в кирпичную трубу. Это не странно... И я бегу к Гене.

— Ура! — шепотом говорит он мне. — Я ранен! Наклонился и вижу, как черная клалка медленно сползает по блу...

— Виктор! — кричу я. — Виктор! — И слышу, как сзади звенит отброшенное ведро...

Я смутно помню дальнейшее. Какой-то туман в голове укачивал меня и мешал видеть. Это случилось со мной уже после того, как услышала от Саввицкого, что Геня ранен не опасна.

— Утепла слысва, да осколки бля на излете, — сказала он. — Просто стужуло слысно...

Потом мы лежали у ящика с шахматной доской. Все стихло, но отбоя еще не давала. Помню, как Геня сказал Витюру:

— Как я домой покажусь с повязкой!.. Может, сити...

— А ты ушанку надвинь пониже, — подумав, ответил Виктор, — да к котилке близко не подходи, мать и не заметишь...

— Замети, — вдоухну Геня, — хоть домой не ходи!

13 марта

Сегодня в «штабе» дежурил Волмский, а я, Геня и Вадик скалывали лед на лестницах третьего двора. Побывали и в двух квартирах. В одной застал генеральную уборку.

— Зима кончатся! — умилившись нам пожелала женщина, старательно скреба пол в коридоре. — Не вследите, сокотки!

Сегодня всего один раз были заняты наши санки. Когда мы везли их к болнице, нам встретилась старая знакомая — худощавый Редкин. Еще издам мы заметила его. Он был в болнцущей, прямо-таки барской шубе и шел медленно, опираясь на сплелую ажурную палку. Я вспомнила, что видела у него в комнате толстую, красиво отглаженную палку, и подумала, что сейчас она для Редкина тяжелее. Поразившись, он поподорожал и неодобрительно покосился на наши санки.

— Не достанусь я вам, разбойнички, и не расчитывайте! А это... что тут у вас?

— Тормоз из сенцаднати, — ответил ему Геня.

— Из сенцаднати, говорите! Так это Матвеев! Точно, он, теперь разве узнаете его, сразу, — проговорил Редкин, потнувшись к меховой шапке. — Я ему подарили раньше заказывала. Значит, тоже...

Он дотронулся с минутой молча, чуть приподняв шапку и выставив вперед подбородок. Вадик было потнул за веревку, и мы начали прощаться, но Редкин остановил нас:

— Вотчу, ребятишки, поимать вас на слово. — Он отложил в снег свою палку и облокотился на нее.

Я успевла заметить, что наконец-то он напел замену слову «разбойнички». К чему это? Между тем он продолжал:

— Было у вас как-то намерение помочь мне. Я отвалился, похалста, что все сам делаю...

Значит, мы кстаи встретимся! — сказала Вадик. — А что именно вам нужно?

— Надо мне две картны отвезти на выставку; я бы и сам отвез, да они тяжелые, в рамках.

Я чуть не сплотнулся о ноги Матвеева, свисавшие с санки. Стремя часом не рехнулся! Само слово «бывающая», кирное и далекое, так странно прозвучало сейчас...

— На выставку! — изумленно произнес Вадик.

— Да, на выставку! — сказал Редкин, глядя на нас задумчиво, но торжествующим глазами. — Это будет хорошо, удавится в полдаси.

«Как будто бы делалось в том, что это недалеко, а не в том, что у нас на санках погнибит от голода Матвеев.

— А вы не шутите! — осторожно спросил я. — Неужели сейчас... устраивают выставку?

— Вы знаете, что изложил — провнес Гремкин. — Первая выставка наших художников была в январе. У меня там стоила одна картина. Помните, как какой мороз был в январе! Заворачивало по три дня, а в зале снег на валежках не таял. Картин привезти немало, и каждый свой сам должен был повесить, — нет теперь для этого монтажника.

Видел я, как с молотком в руках люди жалели. Студия в зале какие-то стояли, их составили и отлеживались те, кто стоять не мог. А картны все несали и вносили. Почти попараста халосты! Так вот и открывали экспозицию.

— Он замочил, — наверное, трубу было говорить на холоде... но мы чувствовали, что ему хочется сказать что-то еще, и стояли выжидая, глядя на зашнеленного старика.

— Да, трудновато было писать картны!.. Ни дров, ни сити, в бомбежку известия с потолка на краску слысва. Мы дарили Миша Герен всю ночь нес с Васильского две работы, устал, не долая квартала до выставки... Прохожие донесли. Халосты в тяжелых позолоченных рамках... И он был счастиа, что не ободал к открытию. Когда Серов спросил его, как он рехнулся нести такие тяжелые работы, Миша отгнулся: «Я хотел, чтобы картны хорошо выглядели». В день открытия Миша Герен умер в помещении выставки, прямо на тех стулах...

Было видно, что Редкину тяжело говорить; едва слышно проговаривал он слова, но как будто боялся что-то забыть, что-то самое важное не сказать нам.

— Запоминайте, разбойнички, — продолжал он, — когда-нибудь спросит вас как там, в Ленинграде, было, было... А вы и ответите, что на одном, девять, самолёбом стола горо... Скажете так, и грони вы, потому, что вы здесь были, раз самою главным не запомнил и не помню: народ наш ленинградский особенный! Что там выставки!

Вы знаете, двари! А за бля полов, как до войны, в премьеру.

Он поподотер на нас поводом скрытого торжества взглядом и, как бы подводя итог своему удивительному рассказу, подыма вверх ажурную палку и озорно произнес:

— А все-таки она вертится!

15 марта

Неужели это было не сто лет назад!

...Мы стояли с Ниной у Ротральных клоаки и смотрели на плавящийся по Неве ледоходный лед.

Потом мы шли по набережной вслед за толмами ледяными, и они обдували нас, выирая и снова всплаывая, радостно отхлывались от забегавшей воды.

Просто не верится, что может быть темный, солнечный день, раскрытые настежь окна и голоса у дверей!

У пританей по-всеннему пахло коровник, а вечером у вокзалов уже пахло ветвичности с бемальными охапками майской черемухи.

Неужели это было только прошлой весной! Но пройдет два месяца, и снова наступит май, и не будет стужи и снега, даже если это блокадный май.

Согреться надо! Согреться наконец и наши дома. Им тоже трудно: они тоже вояют.

Кая ополченцы, тесно плечи сдвинув, себя и домами друг друга поддерживали.

Стоит они в траншеях улиц длинных, Фурявки крылы пробитые надвинув На они затуманенные глаза.

Вчера на Гремеском было убит бомбой еще один дом. Он лежал, обрушившись на мостовую, далеко разбросав брызжи колышек кирпичей. Это случилось днем, без сирен и бомбежки, одиночная бомба с какого-нибудь разведчика.

Мы ходили к развалинам. Падал реальный снег, так же белотелый, стуже не оставших рехств. Пахло дымою, а у мотк ног втерла астава тетрадь в козую линейку.

Шел очередной день ленинградского блокады.

ДОКТОР ЛУКАНЕВ

«Здравствуй, доктор!».

Должно быть, это самый трудный момент — поставить диагноз.

Так — от больного к больному, из палаты в палату — начинается рабочий день сельского доктора.

Первый раз в жизни я почувствовал, что вежливость утомительна...

Улица украинского села Костычаны тянется километра на два, и, потому что это главная улица, люди встречаются на каждом шагу. Вот и снитайте, сколько раз мне приходилось здороваться, если мой спутник — Геннадий Луканев.

«Здравствуйте, доктор!» «Доброго здоровья, Геннадий Дмитриевич!» «Зашел бы, доктор, в гости!» «Геннадью Дмитриевичу — спасибо!» Это — возле каждой калитки. До тех пор, пока мы не подходим к извешькому, еще не крашеному забору. За калиткой детский крик сразу в несколько голосов:

— Ур-ра! Наш доктор пришел! — И вся карапузая ватага бегом навстречу.

Пока в сялах идет осмотр, которому доктор ловко при-

дал вид игры «в боллинцу», я рассматриваю Луканева, потому что это первый день нашего знакомства.

В областном и районном отделах здравоохранения о Луканеве рассказывали как об очень способном враче. Говорили специалисты, медики. Но о других качествах Луканева я узнал после того, как познакомился с ним и с людьми, которые его окружают.

Уважение, с которым в деревне относятся к доктору или учителю, вполне понятно: без людей этой профессии человеку, как говорится, никуда. Но здесь, в Костычанах, в отношении к доктору чувствовалось нечто большее. Казалось, костычанцы связывают с Луканевым какое-то особое отношение, и вряд ли это можно объяснить только его доброй профессией. Тут приходится задуматься над

См. 8-ю стр.

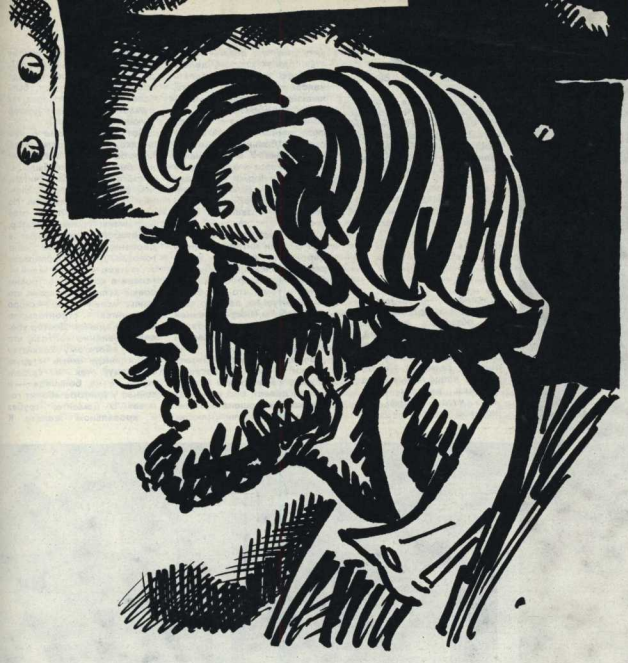

Рисунок В. ЮДИНА.

Появился Захар Павлович на опушке города, сил себе чуял у истоптотого асфальта стогола, вышла наружу и задумался: чем бы ему заняться?

Пришла с работы столяр, хозяйка, и сел рядом с Захаром Павловичем.

— Сколько платят за поемнение платки? — спросил Захар Павлович.

Столяр не рассмеялся, а хотел это сделать — он как-то прохрипел горлом: в голосе его слышна была безнадёжность и то особое, притерпевшее отчаяние, которое бывает у навсегда огорченного человека.

— А ты чем занимаешься? Ничем! Ну, живи так, пока мои ребята тебе голову не оторвали.

Через неделю Захар Павлович так заскорбел от безделья, что начал без спроса чинить дом столяра. Он перешла худые швы на крыше, сделал заново крыльцо в сенях и вычистил сажу из дымохода. В вечерние время Захар Павлович теска колашки.

— Что ты делаешь? — спрашивала у него столяр, протирая усы хлебной коркой — он только что пообедал: ел картошку и огурцы.

— Может быть, на что годится? — отвечал Захар Павлович.

Столяр смотрел-смотрел на своего квартиранта и начал его кормить бесплатно. Сыньюя столяра на первый раз бросила в чашку Захара Павловича добитую в носу нечищу, но отец встал и с размаху, без всякого

слова, выбил на скуле старшего сына бутыл.

— Сам я человек как человек, — спокойно сказала столяр, сев на свое место, — но, понимаешь, такую сволочь народал, что, того и гляди, они меня кончат.

Начались первые дожди осени, и Захар Павлович пошел со столяром на вокзал наниматься: у столяра там был знакомый машинист.

Машиниста они нашли в дежурке, где отсылались паровозные бригады. Машинист сказал, что народу много, а работы нет; остатки ближних деревень децанком живут на вокзале и делают что попадал за низкий расценкой. Столяр вышел и принес бутылку водки и крут колбасы. Выпил водки, машинист рассказал Захару Павловичу и столяру про паровозную машину и тормоз Вестингауса.

— Ты знаешь, инерция какая на уколках бывает при шестидесяти осях в составе? — возмущенный невежеством слушателей, говорил машинист и показывал руками мощь инерции. — Ого! Открылся тормозной край — под тендером из-под колодок синее пламя бьет, вагоны в зыгалох прут, паровоз дует с закрытым паром. Ух, едит в твою мать... Наеши!

Отгура зря не купил, колбаса жевалась, Захар Павлович сидел и молчал: он заранее не верил, что поступит на паровозную работу, — куда ж тут ему справится после деревянных сководрок!

— А ты что заков? — заметил машинист скорбя Захару Павловичу. — Приди завтра в депо, я с наставником поговорю, может, в обтирники возьмут! Не робей, сукин сын, раз есть хочешь...

Через час машинист вспомнил о своем дежурстве, Захар Павлович и столяр проводились до паровоза, который вышел из-под заправки. Машинист еще издали служебным басом крикнул своему помощнику:

— Как там пар?

— Семь атмосфер, — ответил без улыбки помощник, высовываясь из окна.

— Вода?

— Нормальный уровень.

— Топка?

— Сифно.

На другой день Захар Павлович пришел в депо. Машинист-наставник устоялся в него. Он так больно и ревниво любил паровозы, что с ужасом глядел, когда они мечтас по реальному. Есан б его вола, он все паровозы поставил бы на вечный покой, чтоб они не увечились грубыми руками невежда. Он считал, что людей много, машин мало; люди — живые и сами за себя постоят, а машина — нежное, беззащитное, ломкое существо: чтоб на ней ездить исправно, нужно сначала железу бросить, все заботы из головы выкинуть, свой слез в оловофат макать — вот тогда человека можно подпускать к машине, и то через десять лет терпения!

Наставник изучал Захара Павло-

вича и мучился: хоауи, наверно, — где пальцем надо нажать, он, скотина, кувадой саднит, где ель-ель садует стекляншо на миллиметре протереть, он так надавит, что весь прибор с трубой сорвет. Разве ж допустимо к механизму пахара подпускать?! «Боже мой, боже мой, — серамлся иставник, — где вы, ставнившие механики, помощники, кочевары, обтирники! Бывало, близ паровоза люди трепетали, а теперь каждый думает, что он умней машины!»

— Иди домой, рожу сначала умой, потом к паровозу подходи, — сказала наставник Захару Павловичу.

Умывшись, на вторые сутки Захар Павлович явился снова. Наставник лежал под паровозом и остроконечно трогал реснички, легонько постукивая по ним молоточком и прикалываясь ухом к позвизывавшему железу.

— Моти! — позвала наставник сасары. — Подгни здесь гачечку на полнитоичи!

Мота тронул гайку разовым ключом на полповорота. Наставник вдруг так обидеся, что Захару Павловичу его жалко стало.

— Мотышай! — с тихой угнетенной грустью сказала наставник, поскрипывая зубами. — Что ты надеяла, сволочь проклятая! Ведь я тебе это сказал: гайку! Какую гайку! Основную! А ты контргайку мне свертнула, и с толку меня сбив! А ты контргайку мне осаживаешь! А ты опят-таки контргайку мне трогашь! Ну что мне с вами делать, звери вы проклятые! Иди прочь, скотина!

— Давайте я, господи механик, контргайку обратно на полповорота отдам, а основную на полнитоичи прижму! — попросил Захар Павлович.

Наставник отговаривался растерянным голосом, оценив сочувствие к своей правоте постороннего человека:

— А? Ты заметил, да? Он же, он же... аесоруб, а не сасары! Он же гайку, гайку по имени не знает! А? Ну что ты будешь делать! Он тут с паровозом, как с бабой, обращается, как со шлюхой с какой! Господи боже мой! Ну, пойдя, пойдя сюда — поставь мне гачечку по-моему...

Захар Павлович подал под паровоз и сделал все точно и как надо. Затем наставник до вечера занимался паровозами и сорамси с машинистами. Когда зажгли свет, Захар Павлович вспомнил наставнику о себе. Тот снова остановился перед ним и думал свои мыслы.

— Отец машины — рычаг, а мать — наклонная плоскость, — ласково проворочил наставник, вспоминая что-то задушевное, что давало ему покой по ночам. — Попробуй завтра толки чистить — пряди вопреку. Но не знаю, не обещано — попробуем, посмотрим, как пойдет.

Захар Павлович подал под паровоз и сделал все точно и как надо. Затем наставник до вечера занимался паровозами и сорамси с машинистами. Когда зажгли свет, Захар Павлович вспомнил наставнику о себе. Тот снова остановился перед ним и думал свои мыслы.

— Как там пар? — Семь атмосфер, — ответил без улыбки помощник, высовываясь из окна.

— Вода? — Нормальный уровень. — Топка? — Сифно.

На другой день Захар Павлович пришел в депо. Машинист-наставник устоялся в него. Он так больно и ревниво любил паровозы, что с ужасом глядел, когда они мечтас по реальному. Есан б его вола, он все паровозы поставил бы на вечный покой, чтоб они не увечились грубыми руками невежда. Он считал, что людей много, машин мало; люди — живые и сами за себя постоят, а машина — нежное, беззащитное, ломкое существо: чтоб на ней ездить исправно, нужно сначала железу бросить, все заботы из головы выкинуть, свой слез в оловофат макать — вот тогда человека можно подпускать к машине, и то через десять лет терпения!

Наставник изучал Захара Павло-

тем, что такое сельский врач?

Когда три года назад, после окончания Черновицкого медицинского института, Луканев приехал работать в костянчанскую больницу, он понял, что быть врачом в селе — это не только ста-

вить диагноз, давать лекарства, одним словом, делать все, что положено делать человеку в белом халате, имеющему высшее медицинское образование. Он понял, что врач в городской клинике и врач в участковой больнице — не одно и то же. У них одинаковые дипломы и одна, как он говорит, «форма одежды» — белая. Но у сельского врача есть и вторая работа, которую я назвал бы миссией.

У нас часто говорят и пишут о роли интеллигенции в деревне и возводят это в ранг проблемы. По мнению Луканева, вся проблема сводится к тому, что человек в одной ситуации, помимо своей работы, ограниченной рамками профессии, обязан делать все, что он умеет и может.

Впрочем, слово обязывает ни к чему. Во всяком случае, к Луканеву и к тому, что он делает, оно не имеет никакого отношения. Луканев, между прочим, любит

повторять: «Никто ни о чем не обязан. Все горю до прощ». «Все горю до прощ» — это значит бы человеком. Так говорит, думает и так делает доктор Луканев.

Вот что рассказал о нем председатель сельсовета. Если бы Луканев только лечил больных, этого было бы достаточно, чтобы считать его доктором. Но доктор честно выполняет свои обязанности. Случилось так, что в Костянчане приехала делегация, у которого, как говорят в деревне, «обо всем болела голова». Доктора волновало отсутствие в селе ясель-яслей в колхозе построены новые ясли. Он доказал, что один ясель мало — скоро закончится строительство второго здания. Доктор убедил правление колхоза, что такому богатому хозяйству не к лицу иметь старую больницу; так и сказал, а не болница», — сейчас у доктора «болит голова о цемента, трубах и кровельном железе».

Луканев — сельский доктор и между прочим, ободами, вызволил нужно найти время, чтобы прочесть лекцию механизаторам, обустраивать в сельской Совете проект новой больницы, а поздней весной оставить часа два-три для научной работы.

голова, чувствовал сердце, и все тело тихо удовлетворяло. Захар Павлович уважал утюг, фасонное железо — всякое сплеще сырье и полуфабрикат, — но действительно любил, и чувствовал лишь готовое изделие, то, во что превратился посредством труда человек и что дальше продолжает жить самостоятельной жизнью. В обеденные перерывы Захар Павлович не сводил глаз с паровоза и молча переживал свою любовь к нему. В свое жилище он нависал болтов, старых вентилях, crankов и прочих механических изделий. Он расставлял их в ряд на столе и никогда не скупался от одиночества. Передний паровозный скат, называемый катушкой, заставил его подумать о бесконечности пространства. Он специально выходил ночью глядеть на звезды — просторен ли мир, хватят ли места колесам вечной жизни и вернуться? Звезды увяченно светялись, по каждой — в одиночестве. Захар Павлович подумал: на что похожи небо? И вспоминал про узкую станцию, куда его посылали за бандитами.

С платформы вокзала виднелась море одиноких сигналов: то были стрелки, semaфоры, перепутья, опии централизации и будок, сияние прожекторов, бегущих паровозов. Небо было таким же, только более отдаленным. Потом Захар Павлович стал на глаз считать версты до сияющей неизощенной звезды: он расставил руки мысленно и умственно прикалывала этот масштаб к пространству. Звезда горела на дугообразной версте. Это его обеспокоило, хотя он читал, что мир бесконечен, но никак не мог почувствовать бесконечности.

— Сколько верст — неизвестно, потому что далека! — говорил Захар Павлович. — Но где-нибудь есть тупик и кончается последний вершок... Если б бесконечность была на самом деле, она бы распустилась сама по себе в большом просторе и никакой твердости не было бы. Ну как бесконечность? Тупик должен быть!

Мысль, что колесам в конце концов работы не хватят, волновала Захара Павловича уже суток, а затем он придумал расставить мир, когда все

дороги до тупика дойдут — ведь пространство тоже возможно выгнать и отпустить дальнее, как полосу железа, — и на этом успокоился.

Машинист-наставник видел любовную заботу Захара Павловича — толчки официализма им без всяких приверженностей металла и до сих пор чистоты, — но никогда не говорил Захару Павловичу доброго слова. «Машинисты живут и движутся скорее по своему желанию, чем от ума и умения людей», — говорил наставник. — Люди природы, энергии и метала портят людей». Однако наставник ругал Захара Павловича меньше других: Захар Павлович был малотком всегда с сожалением, а не грубой силой, не плевая на то попола, находясь на паровозе, и не царапая беспощадно тела машин инструментами.

— Господи, наставник — образчик раз Захар Павлович, осомлев радил любви к делу. — Позвольте спросить: отчего человек — так себе; ни пах, ни хорош, — а машины равномерно знамениты?

Наставник слушал сердито — он ревновал к посторонним паровозам, чувствую к ним личной привязанности.

— Серый черт, — говорил для себя наставник, — тоже понадобился ему механизмам, господи боже мой! Против обих людей стоил паровоз, который разогретый под ночной скорый поезд. Наставник долго смотрел на паровоз и наполнялся обильным радостным сочувствием. Паровоз стоил великодушный, громадный, телелый на гармонических перепадах своего величественного высокого тела. Наставник сосредоточился, чувствую безотчетный восторг. Ворота dello были открыты в вечернее пространство леса — в смутное будущее, в жизнь, которая может возникнуть во ветру, в стихийных скоростях на рельсах, в самозабвении ночи, риска и нежного гула точной машины. Механик забрал про низкую квалификацию Захара Павловича и ответил ему, как равному другу:

— Ты вот поработал и поумел! Но человек — чушь!. Он дома ва-

зиме новая больница в Костычанках будет закончена.

Я далеко не все рассказал о так называемой «второй работе» доктора Луканева, но, пожалуй, и из того, что сказано, можно судить, что авторитет доктора среди костычанцев создавался не на пустом месте.

Но Луканев врач, его «первая работа» — лечить больных, и, естественно, меня интересовал его профессиональный уровень, отношение к нему коллег-медиков. Сам он, разумеется, на этот счет ничего не говорит, и не только потому, что говорить о себе не в его характере. Я надеюсь, Луканев простит меня, если я передам разговор с одним из его сотрудников.

Новое, незнакомое начало нигде не встречается с распростертыми объятиями. Тем более, когда начальство этому нет и двадцать пять лет, а руководящие оны будут людьми, большинство которых старше

его в полтора-два раза. Элементарный жизненный опыт не почерпнешь из книг, а знание болезней не заменит знания людей. Луканев это понял. Он понял, что среди подчиненных ему сотрудников есть люди, у которых чисто практический опыт знания больше, чем у него — молодого специалиста. Нужно быть честным и иметь мужество, когда чего-то не знаешь, признаться в своей некомпетентности. Луканев это понял и, будучи на посту главного врача, нашел в себе смелость учиться у своих сотрудников. Теперь этот период учения в основном позади. Теперь даже посторонний взгляд заметит в работе больницы то, что называют атмосферой взаимопонимания.

— Теперь наш доктор кому-то чепечу сто очков вперед дает.

Это сказала старшая сестра, о которой Луканев говорил, что без нее — как без рук.

После нескольких дней знакомства с Луканевым и его работой я подумал, что получил достаточно представление о нем, как о человеке и враче. Оставалось выяснить только одно, и я задал ему тот провокационный вопрос, ответ на который должен, казалось мне, расставить все точки над *i*.

— Не думает ли он, что в селе, вдаль от городских клиник и светил науки, врач тервет квалификацию?

В первый раз за время нашего знакомства я убедился, что медлительный и спокойный Луканев умеет говорить темпераментно и даже дерзко. Я должен был согласиться, что молодому врачу надо начинать работать в сельской больнице и что практика сельского врача имеет свои неоспоримые преимущества. Луканев убедил меня в этом не столько логическими доводами, сколько самим характером работы, которую ежедневно выполняет он, участковый

врач. Он занимается многими отраслями медицины и, естественно, накапливает широкий практический опыт. Кроме того, сельский доктор в отличие от врача, работающего в городской клинике, имеет драгоценную возможность наблюдать своих пациентов не только во время болезни, но постоянно — дома и на работе. В известной мере он становится личным врачом каждого своего пациента. Вот почему о каждом жителе Костычан, которому приходилось обращаться к доктору, Луканев не только может рассказать все, что называется историей болезни.

Я слушаю доводы Луканева, смотрю на него и удивляюсь только одному: внешне он мне все же похож на врача. Возможно, в этом впечатлении виноват тот несколько литературный тип доктора, особенно земского, каким мы привыкли представлять его еще со времен Чехова: зонттик, неизменный борозда и неизменно

«батеянка». От всех этих атрибутов у доктора Луканева осталось только сапожник. Внешне он похож на боксера — широкая фигура, массивные ладони, манера держать руки и голову. Одним словом, если вы встретите Луканева где-либо, будь вне больницы, у вас не будет причин догадаться о его профессии.

Он рассказывает, что давно уже занимается самым интересным для него вопросом — сердцем. Сосредоточившись сердцем он предполагает в ближайшем будущем, но не раньше того, как накопит достаточно практических знаний. Институт, где он учился, ждет его в качестве аспиранта.

Пожоже, что у сельского доктора Луканева на все хватает времени, но (я чувствую это) у него нет свободного времени. Что же, в конце концов это удел людей, которые полюбил — они выбрали профессию по призыванию.

авается и ничего не стоит... Но ты возьми пшеницу...

Паровоз застрял и заглушил слова беседы. Наставник и Захар Павлович вышли на вечерней звонкий воздух и пошли сквозь створы оставших паровозов.

— Ты возьми пшеницу! Это прелесть, потому что они не работают! Ты видел труд пшеницы? Нету его! Ну по пшенице, жальщину они кое-как хлопочут — ну, а где у них инструментальные изделия! Где у них утюг, отвержения своей жизни! Нету и быть не может.

— А у человека что? — не понимал Захар Павлович.

— А у человека есть машина! Понка! Человек — начало для всякого механизма, а пшеница — сами себе конец...

Захар Павлович думал одинаково, отставая лишь в подборе необходимых слов, что надолго тормозило его размышления. Для обоих — и для машиниста-наставника и для Захара Павловича — природа, не тро-

нутая человеком, казалась малопривлекательной и мертвой, будь то зверья или деревья. Зверя и деревья не всегда находились в их сознании своей жизни, потому что никакой человек не принимал участия в их изготовлении, — в них не было точности мастерства. Они жили самостоятельно, мимо опущенных глаз Захара Павловича. Люди бы же изделия, особенно металлические, наоборот, существовали оживленными и даже были по своему устройству и силе интересней и тиниственней человека. Захар Павлович наслаждался одной постоянной мыслью, как подступная кровная сила человека облекается вдруг в волюющих машин, которые больше мастеровых и по размеру и по смыслу.

И выходяло действительно так, как говорил машинист-наставник: в труде каждый человек превышает себя — делает изделия лучше и долговечнее своего животного значения. Кроме того, Захар Павлович наблюдал в паровозах ту же самую горячую, взволнованную силу человека,

которая в рабочем человеке молчит без всякого исхода. Общественно сдаться хорошо разговаривает, когда находится в паровозе же человек всегда чувствуете большим и страшным.

Однажды Захар Павлович долго не мог сыскать нужного болта, чтобы проплатить резьбу в сорванной гайке. Он ходил по депо и спрашивал: нет ли у кого болта в три осмужки — шло резьбу. Ему говорили, что нет такого болта, хотя такие болты были у каждого. Но дело в том, что на работе селасри случали и развлекались взаимными осложнениями рабочих забот. Захар Павлович еще не знал того хитрого скрытого веселья, которое есть в любой мастерской.

Это негромко извещательство позволяло остальным мастерам одолевало долготу рабочего дня и тоску утомительного труда. Во имя забавы строгих соседей Захар Павлович много дела сработал выжидая. Он ходил за обиточными конями на склад, когда они лежали горой в котловне; делал деревянные лесенки и бидоны для

мастеру, в избытке имевшей в депо; давал хотеть, по чужому изнужению, селасри молчать контрольные пробки в котле паровоза, но был во время предупрежден одним случайным кочегаром, иначе бы Захар Павлович уволился без всякого слова.

Захар Павлович не найды в этот раз подождящего болта, привнес приспосабливать для проточки гачевой резьбы один штырь и приспособил болт, потому что никогда не терпел терпения, но ему сказали:

— Эй, Три Осмужки Под Резьбу, иди возьми болт!

С того дня Захар Павловича звали прозвищем Три Осмужки Под Резьбу, но зато его реже обманывали при срочной нужде в инструментах.

Посме никто не узнал, что Захар Павлович имя Три Осмужки Под Резьбу поправилась больше крестного. Оно было похоже на отверстившую часть лобовой машины и как-то темнело приобило Захара Павловича к той истинной стране, где железные дюмы побеждают земляные версты.

МНОГИЕ СЕГОДНЯ ИСКРЕННЕ УБЕЖДЕНЫ:

Человеческий организм истерпел свои превращения, возможность человека модифицироваться от бурно развивающейся техники и электронных автоматов.

ТАК ЛИ ЭТО?

Современная наука утверждает прямо противоположное.

СВЕРХСИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Работы советских и зарубежных психологов свидетельствуют о том, что органы чувств современного человека обладают ресурсами, превосходящими в десятки раз обычные пределы. Художники способны например уловить отражение в протирках двух сравнимых предметов, когда они не превышают тысячной доли их величин. Опытные текстильщики различают до ста оттенков черного цвета. Легенда гласит, что в течение ряда десятилетий в Японии проводилось исследование последних лет в области «кожного зрения».

Известно, что в состоянии нервного возбуждения обычный человек может совершить «сверхчеловеческую поступку». Спасаясь от бешеного набега, люди прыгали через трехметровые заборы, пытались ухватиться из тюрьмы, гнали железные прутья ртутью.

Недавно ученые установили, что это резкое усиление физических сил человека связано с деятельностью мозга. В критических случаях он посылает мышцам команды сигнала повышенного уровня. Но такое случается крайне редко. Обычно же

мозг шлет к мышцам сигналы среднего уровня.

Американские биологи Эддис и Швейцармер предложили метод искусственного увеличения физической силы человека. Команды, идущие от мозга к мышцам, по пути перекачиваются и усиливаются с помощью портативных полупроводниковых усилителей, встроивших в организм человека.

Американские военные предполагают, что такой метод позволит создать сверхчеловеческих солдат.

СОН В СОЛЯНОЙ ВАННЕ

Огромными резервами располагает и наша нервная система. Вот два любопытных примера.

Общезвестно, что сон — в первую очередь отдых для нервной системы. Истат, то факт, что человеческому организму необходим регулярный режим восьмичасовой от «ды», — один из главных козырей апологетов индустриальных автоматов.

«Вот», — говорит ои, — явное преимущество машин над человеком». Действительно, посмакуются профилактика только бьет по «баласу» времени» людей. Неумири нет путей сокращения этого периода, своего время года в печати появились сообщения об опытах ученых с так

ву, являются моря и океаны, более глубоки и спонжи, чем сон на перинах и подушках! Опыты подтвердили предположение: человек, помещенный в соляную ванну с концентрацией соли, равной морской, вообще не спит!

Второй пример может показаться чистой фантастикой. Оказывается, есть моря, которые годами вообще не спят!

Медицинским чудом врачам всего мира называют 77-летнего шведа Олафа Эриксона. Олаф не спит уже 46 лет. За эти годы он ни разу не занулу. В 1919 году Эриксон перенес тяжелую форму гриппа. Возможно, болезнь дала осложнение, и шок Олаф не может заснуть. Он ложится в постель, разглядывает потолок и борбуете до утра.

Есть человек без сна и в Лондоне. Он владеет небольшим галантерейным магазином на окраине города. С июляского июля 1941 года Сидней Эдвард ни на минуту не сомнул глаз. В эту ночь во время возмущения налетела поганба его заведения. Сидней был очевидцем трагедии, и шок насаждал лишица его сна.

«Я не вижу различия между днем и ночью», — говорит Эдвард. «Для меня это лишь бесконечная цепь позитивных стимулов». В комнате горит свет, я могу побороть свой недуг. Эдвард ни на минуту не заснул, затем в соседний трамвай. Когда же гаснут огни, для меня начинаются настоящие мучения. Я остаюсь совершенно один и чувствую себя таким же безутешным, как потерпевший кораблекрушение в открытом море».

СКОЛЬКО ДНЕЙ МОЖНО НЕ ЕСТЬ?

Как ни странно, но в наш атомомосковский век человек способен ежедневно приносить в жертву 50 тысяч килограммов пищи, но на четвертые—шестые сутки после кораблекрушения, когда реальная опасность фантисически мгновила.

Эти люди гибнут от голода. Впрочем, в последние годы ряд ученых выдвинул предположение: подавляющая часть этих 50 тысяч упирает не в голод, а от страха перед ним. Может ли человек продолжить голод, вводить и страх? Один из экспериментов, подтверждающих этот тезис, проводил несколько лет назад молодой ученый В. Лешковен, хотя и не с чисто научной целью.

В 1960 году он заболел очень тяжелой болезнью — инфлюенцией полиартритом (паралич суставов). Лечение его всеми современными методами. Но болезнь прогрессировала. Лешковен уже не вставал.

И тогда молодой биофизик решился на рискованный опыт. Он вспомнил, что в 1952 году проводился с П. И. Нарбековым — руководителем с П. И. Нарбековым отделение специального голодания. Научно-исследовательского института курортологии.

Применив оригинальную методику (полный трехдневный голод, последующим трехдневным возвращением к нормальному питанию), Нарбеков за полтора года вернул жизни 350 безнадежно больных (гипертония, астма, грипп и др.).

Но в 1956 году Нарбеков умер, и его отделение прекратило свое существование. Решительная развилка — вторые сутки голодания — не считая суставов, на восьмые Лешковен перешел на питание за счет выключенных запасов своего организма. Медвежата при этом ухитрились даже выжить нескольких медвежат в своей утробе.

Чем же объясняют ученые лечебные свойства абсолютного голода? Предполагается, что при ивденном питании (самолодании) в организме происходят угнетенные вредные отложения, резко активизируются защитные силы организма.

СРЕДСТВО МИКРОКУСОСА

Библейские легенды часто упоминают о бесмертии. Герои драмы Чапека «Средство Манропулуса удавалось найти бесмертный эликсир. А как смотрит на эту проблему современная наука?

Сколько может функционировать человеческий организм? В разные времена ученые пытались на этот счет варьировались в весьма широких пределах. Однако даже самые отчаянные попытки не переходили согласию границу. Но в последние годы возмозный верхний предел прочности человеческого организма резко возрос. В ряде работ даже ставится вопрос о возможности путей борьбы за бесмертие.

В 1963 году появились сообщения о результатах исследований профессора 2-го Московского медицинского института, возглавляемого профессором М. Ф. Меркуловым. Итисисследования вкратце сводились к следующему: в результате проведенных опытов обнаружены у живых организмов удивительное свойство — репаративная регенерация клеток. У живых организмов непрерывно ведет «текущую» работу, и каждая поврежденная клетка, в молчаливой той процесс идет интенсивно, а с годами разрушение клеток происходит все быстрее. И — смерть. Возникла идея, а что, если не дать затухнуть восстановительному процессу? Ведь тогда организм сможет жить вечно! (Слабые, вы истощены, больны и регулярно, но мерз наябисть, а также все детали на новые. Сколько будет действовать организм, если не обновлять организм? И если не все, то какие? А нельзя ли вешательство, а также и тем самым зафиксировать его и тем самым зафиксировать его в стабильном состоянии?)

Сотрудники института профессора М. Ф. Меркулова ведут многолетние поиски ответов на эти вопросы. И

сать книгу, работу над которой продолжил профессор.

Это было поразительно: человек, третью неделю не державший по рту ни крошки, спавший в раскаты по улицам, работал. И чувствовал себя превосходно. Правда, он сильно похудел (потерял 20 килограммов), но самочувствие его непрерывно улучшалось. На соми шестой день он начал выходить из состояния голодания.

Волевым исчезла бесследно. Вот уже

пятый год Лешковен работает и активно пропагандирует лечение голодом.

Лечебный голод применяется и за рубежом. Известный американский хирург Энтон Сингер, которому недавно исполнилось 96 лет, ежедневно с целью профилактического лечения организма голодает около 2 недель. Последние три года регулярно голодает около 20—25 дней голодает и Лешковен.

Длительное голодание не редкость в животном мире. Например, медведи во время зимней спячки полностью переходят на питание за счет выключенных запасов своего организма. Медвежата при этом ухитрились даже выжить нескольких медвежат в своей утробе.

Чем же объясняют ученые лечебные свойства абсолютного голода? Предполагается, что при ивденном питании (самолодании) в организме происходят угнетенные вредные отложения, резко активизируются защитные силы организма.

СРЕДСТВО МИКРОКУСОСА

Библейские легенды часто упоминают о бесмертии. Герои драмы Чапека «Средство Манропулуса удавалось найти бесмертный эликсир. А как смотрит на эту проблему современная наука?

Сколько может функционировать человеческий организм? В разные времена ученые пытались на этот счет варьировались в весьма широких пределах. Однако даже самые отчаянные попытки не переходили согласию границу. Но в последние годы возмозный верхний предел прочности человеческого организма резко возрос. В ряде работ даже ставится вопрос о возможности путей борьбы за бесмертие.

В 1963 году появились сообщения о результатах исследований профессора 2-го Московского медицинского института, возглавляемого профессором М. Ф. Меркуловым. Итисисследования вкратце сводились к следующему: в результате проведенных опытов обнаружены у живых организмов удивительное свойство — репаративная регенерация клеток. У живых организмов непрерывно ведет «текущую» работу, и каждая поврежденная клетка, в молчаливой той процесс идет интенсивно, а с годами разрушение клеток происходит все быстрее. И — смерть. Возникла идея, а что, если не дать затухнуть восстановительному процессу? Ведь тогда организм сможет жить вечно! (Слабые, вы истощены, больны и регулярно, но мерз наябисть, а также все детали на новые. Сколько будет действовать организм, если не обновлять организм? И если не все, то какие? А нельзя ли вешательство, а также и тем самым зафиксировать его и тем самым зафиксировать его в стабильном состоянии?)

Сотрудники института профессора М. Ф. Меркулова ведут многолетние поиски ответов на эти вопросы. И

уже получили ряд положительных результатов в лабораторных условиях. Иным путем ведут поиски бесмертия ученые Запада. «Усталый старик», — рассказывает профессор Простер, — летняя, но они покажутся ему лишь кратким сном без сновидений. Когда он проснется, он снова станет молодым и энергичным».

Эти утверждения о омоложении и пробуждении от многовекового сна, которые кажутся отрывком из научно-фантастического романа, вовсе не являются «почти осмысленная действительность». Та считает американский физик Роберт Этингер.

В своей книге, которая была издана в 1964 году, Этингер провозглашает, что «почти незаметно для обществности» в скором времени осуществится заветнейшая мечта человечества — бесмертие для каждого».

Убеждение ученого в возможности вечной жизни «уже для нашего поколения», основывается на следующем тезисе: «Сейчас при очень низких температурах можно сохранить человеческий организм, неограниченное время, практически без каких-либо явных различий».

ДИСКУС-
СИОННЫЙ
КЛУБ
„СМЕНЫ“

СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ

РАЗГОВОР О ЛЮБВИ

Разговор о любви, состоявшийся в «Дискуссионном клубе «Смены» (№№ 14, 15), вызвал оживленные отклики. Вот уж четвертый месяц в редакцию идут письма. Нам кажется необытересным познакомиться читателей «Смен» с выдержками из некоторых писем — спорных и бесспорных, взволнованных и рассудочных, но всегда искренних. Авторы писем — люди различных возрастов и профессий, с большим жизненным опытом и только вступающие в самостоятельную жизнь, люди счастливые и не нашедшие еще своего счастья. Печатаю отдельные отклики, редакция выражает благодарность всем, кто принял активное участие в «Разговоре о любви». Мы надеемся, что и в дальнейшем читатели «Смены» будут столь же активными участниками нашего «Дискуссионного клуба».

С радостью прочитала статьи Г. Митина и А. Горюковского. Такие статьи нужно передавать по радио, чтобы наша молодежь понимала красоту любви и была протестом простоты любви. Побольше, почаше, поострее критикуйте пошлые стихи, песенки — все то, что наносит вред молодежи.

М. В. МИНЯЕВА, г. Москва.

М. Каретникова стоит на позиции разумной любви, а бы сказал, рациональной. И. Соловьева отстаивает право любви как чувства, в противоположность разуму. А по-моему, любовь — это единство трезвого ума и способности к беззаветному чувству, независимость и способность отдать всего себя любимому человеку.

Студент В. УШКАНОВ,
г. Симферополь.

В определении счастливого человека Александр Горюковский, мне кажется, ошибся. Интересно, где автор нашел такого человека, который бы чувствовал себя счастливым только оттого, что он любит? А если его не любят, это не важно! По-моему, нет такой любви, которая ничего взамен не требует. Любить для того, чтобы быть любимыми.

Георгий МИХАЙЛОВ, г. Советск.

Мне кажется, что любовь, как и характер, надо в себе воспитывать. Родители должны прививать ребенку любовь к окружающему миру, расти его откровенным, нежным. Я не верю в любовь с первого взгляда. На протяжении всей жизни за любовь, за дружбу нужно бороться, а борьба — тяжелая вещь. Слабым спасет. Значит, у него была не любовь, а увлечение. Сильный создаст хорошую, крепкую семью. Я не холостяк. У меня замечательная жена и двое отличных ребятшек — Вовка и Оленька.

Военнослужащий Юр. БУТОВ.

Александр Горюковский написал статью о любви, основываясь на литературных примерах. А вот пример из моей жизни. Я плавал на льдоколе в Арктике и долгое время не мог видеть Лену, девушку, которую я любил. Она вышла замуж. Но когда я вернулся, Лена мне сказала, что ее брак был ошибкой и она любит меня, как и прежде. Я же, оскорбленный в своих чувствах, навсегда уехал из родного города.

Теперь у меня семья: жена и сын. Я не безразличный, но пресщенный жизнью человек. У меня нормальная жизнь, работа. Я ударник коммунистического труда. Но, как принято говорить, я не нашел себя... Я чувствую себя как бы опустошенным. Я не смог забыть Лену. В этом я ошибся. Чего после этого стоит мое благополучие! Что бы мне посоветовал тов. Горюковский?

Механик К, г. Ленинград.

Трудно определить, что лежит в основе благоразумия М. Каретниковой: убежденность или осторожность. Критик пишет: «Мне нравится современный стиль — с престоном для воображения». А в самой статье престома нет.

Н. А. АСТАФЬЕВА,
п. Юргамыш, Курганской обл.

Любовь — это талант. Но не так уж редко в природе настоящая, большая любовь, как нередки и народные таланты. И все же прав Макаренко, который говорил, что любви нужно учить молодежь. Учиться даже тем, кому уже 28 лет, как, например, герою рассказа А. Гладина «Два года до весны».

А. ЩЕЛОКОВА, г. Усьолье-Сибирское.

Я во многом согласен со статьей М. Каретниковой. Наверное, лет через десять я скажу своим детям, что любовь в конечном итоге — это брак, это дети. Это материальный независимость. И в то же время ничто не губит семью, как брак по трезвой расчетливости. Супруги становятся не помощниками друг другу, а тормозом в совместной жизни. Но если любовь не приносит счастья, надо уметь сорвать с себя эту тяжесть любви. Это еще не конец света. Наши «бабушки» — Любовь Яровая из пьесы К. Тренева и Марюта из рассказа Б. Лавренева «Сорок первый» — вот отличный пример, как человек должен жертвовать кусочком своего сердца во имя более возвышенных целей.

Токарь А. КИРНОСОВ, г. Череповец.

Мне 22 года. Я хочу любить и быть любимым. Но этого нет. И вряд ли когда-нибудь будет. Я смогу устроить свою личную жизнь, но это произойдет не в результате хорошей, прочной любви, а просто по расчету.

Александр З., Молдавская ССР.

Я люблю девушку по имени Оксана. Она отвергла мое предложение, но я люблю ее по-прежнему. Нет ничего на свете сильнее первой любви. Спешите жить, спешите. Любите жизнь, друзей. Человеку дана одна жизнь. В будущем я не останусь один. Но если судьба сведет меня с другой девушкой, то это будет не любовь. Я буду улавливать ее, как человека и друга жизни, но любить так, как Оксану, никогда. Любовь к ней — святая.

Андрей Ш., г. Донецк.

Я против любви жертвенной, слепой. Она понадежна, как ветер, как дым. Я — за дружбу. Я — за нежность. Эти чувства определяют красоту отношений между людьми, человечество.

Б. БЕЛКИНА, г. Москва.

В 15 лет не может быть никакой любви. Поэтому совершенно излишне вести дискуссию. Просто надо строго наказывать родителей, которые разрешают своим детям гулять до часу ночи.

Георгий СУББОТИН, г. Комсомольск-на-Амуре.

Я играю в эстрадном оркестре. И все выку по сцене. Кто как себя ведет. К сожалению, ныне девушки пристрают военнопослаужающих и рабочих парней и предпочитают ребят, у которых нет на руках мозолей, но зато есть хороший оклад, мотоцикл, служебное положение. Какая же это любовь!

Шофер Виктор РУДОЙ, Иркутская обл.

Мы всем отделом прочитали статьи М. Каретниковой и И. Соловьевой. В отличие на 7 женщин в возрасте от 22 до 30 лет. Мы полностью согласны с М. Каретниковой, с ее утверждением благородной любви, любви, которая ведет к созданию здоровой семьи, приносит пользу чужим обществу. Сама женщина доказывает, что, если человек пользуется любовью в своих узколических интересах, его чувства постепенно гаснут, а во время как они могут вспыхнуть с новой силой, если человек встретит настоящую, взаимную любовь, поддержку, уважение. А вот статья И. Соловьевой понравится любителям так называемой «свободной любви».

Ст. инженер З. ЕРШОВА.

У меня есть очень хороший друг. Зовут его Александр. Мы любим друг друга. И это чистая любовь, не страсть. Об этом знают и его и мои родители. Но мой брат Володя (ему 24 года) считает, что я еще ребенок, потому что мне всего 18 лет! Он говорит: «У тебя в жизни будет не одна такая любовь». И доказывает, что настоящая любовь приходит в 21—25 лет. Но ведь он не прав! Правда!.

Студентка Вала ПОДГОРНЫХ,
г. Челябинград.

Придет время, и наступит эра величайшего расцвета человеческой личности. И отношения людей друг к другу станут красивее, лучше и будут основываться на взаимном доверии и уважении. И, по всей видимости, никаких заговоров тогда не будет. Но и легкомысленные, случайные встречи тоже исчезнут, хотя в отношениях между мужчинами и женщинами будет полная свобода. Но к тому времени люди научатся любить еще лучше, так как сами они будут людьми красивыми и чистыми, а их любовь будет умной, требовательной, вытекающей, достойной их.

Инженер Лора СТЕПАНЦОВА, г. Узловая.

Нет, тов. Соловьева, разум и воля даны человеку для того, чтобы поступать всегда и во всех вопросах жизни и деятельности, и особенно в любви, только благородно. Мы — за благородные!

Б. БАРАНОВ, г. Москва.

И. Соловьева считает, что Пронякин из «Большой рыбы» Г. Владимира прав, оставив свою невесту. А наше мнение: Пронякин просто не любил. Для настоящей любви нет никаких преград — ни политических, ни классовых, ни религиозных. Любовь возмужает человека, он старается быть лучше, чище, испытывает огромный подъем душевных сил.

Конечно, Галл из рассказа «Тебе вручаю» куда счастливее Леры [Иркутскую]. Ведь она в потоке любви — бурном, зенитном. А Лера плывет по тихой воде, она не знает, что такое поток. И хотя Лера — человек, несомненно, талантливый, она не сможет полюбить так, как Галл, которая открыла глаза любви.

Я полностью на стороне И. Соловьевой. Пусть человечество «прыгает по цветущим лугам».

Военнослужащий Лев КАНДАКОВ.

«Вечером у трамвайной остановки меня и моего друга Сашу увидел преподаватель математики. На следующий день нас вызвала в учительскую наша классная руководительница. Она сказала: «Что есть для Фокусы! На всю школу опозорились. Любовь, если затаишь... Стыдите Комсомольцы!» Да какие же мы после этого комсомольцы, если в 15 лет по ночам бродите. Думать надо! Материя бы взять да выпороть обоим! Чтоб я вас вместе не выдал!»

Я вышла из учительской в сапогах, стада не было. Было одно тямное, непонятное чувство: что мы такого сделали? За что там!.. Это дни я поняла, что люблю Сашу. А мне кричат! Как ты смеешь любить! Как не стыдно! А за что стыдно! За свою любовь! Мне хочется самой кричать на таких людей: «Что вы понимаете а любви! Вы, смотрящие на доброе чувство, как на чуму!»

Но, несмотря на то, мы с Сашей по-прежнему крепко дружим. Мы любим друг друга. Почему же не верить нам!

Ученица 10-го класса Марина Ч.

Любовь должна быть умной. Человек должен отдавать себе отчет, что у него любовь, а не страсть.

Вадим ВАНЖЕ, г. Братск.

Я поддерживаю критику М. Каретниковой в отношении самозабвенности и ослепленности молодых людей (особенно парней), не умеющих создать семью, не приспособленных к семейной жизни. И я решительно против того, что критик И. Соловьева называет «свободной любовью».

А. ДЕНИСЕНКО, г. Николаев.

Я категорически не согласен со статьями М. Каретниковой. Ее мысли устарели, они обращены в прошлое. Впрочем, может быть, стоит печатать статьи такого рода, чтобы поступать не так, как советует автор.

И. ИВАНОВ, г. Ужгород.

Назвать чистые (пусть naive) чувства подростка блаженно, как это делает М. Каретниковая, — это просто ханжество. Галл не нужна снисходительность. Я знаю парня, который обвенчался в любви девушка в 14 лет, но был, естественно, «котирован». Но он завоевал ее сердце через 11 лет. И она счастлива! Мне противно, когда прекрасное чувство любви стремится «усовершенствоваться», «вставить в рамочку» благородства, найти «формулы» любви.

Студент Г. НОВИКОВ, г. Казань.

Самозабвенная любовь — это, конечно, замечательное чувство. Но человека окружает самые разные люди. Самозабвенная влюбленная девушка Галл, 15 лет, может натолкнуться на мещанское суждение соседки, подружки, на цинизм умудренного уже и может быть, равнодушного человека — отца, друга, которого она любит. Мещанством можно превратить, стать выше этого, хотя это может сделать не всякая девушка. Ведь любовь — самозабвенная, бесстрашная... Но разве будут счастливы девушки, которые любят без взаимности! Наблюдая жизнь, я убеждалась, что счастливая любовь, соответствующая высказываниям И. Соловьевой, встречается очень редко. И тут выдвигаются на сцену уважение, признательность, обязанность — понятия весьма трезвые, которые нам предлагают сами женщины. Я знаю нескольких замечательных девушек, интересных, умных, прекрасных специалистом, но без личной жизни. По-моему, это получалось от того самого благородства, которое возникает у человека независимо от его личного желания.

Врач Валентина К., г. Желтые Воды.

И. Соловьева совершенно справедливо защищает любовь от трезвого практицизма М. Каретниковой. Но зачем же она истрезвела и во всеуслышание заявляет, что девушка, которая добротой своей чиста — «топкая»!

Лида КУШЕНКО, г. Николаев.

Любимты любить, так, как Галл! Забыть обо всем и всех. Все мелочи есть от Главного — он, его упали, его дом, его овалы! Я отказываюсь понимать М. Каретникову, меня удивляет ее логика: «как она не понимает, что, предлагая помысл полы, она фактически предлагает себя...» Her! Her! Галл так не понимает! Она об этом и не думает. Она предлохла вымысл пол так же, как предлохла бы свою любимую кингу. Не надо благородству любви. Где есть благородствие, там нет любви.

В. ТУМАНОВИЧ, г. Ленинград.

Хочется задать вопрос: «Кто же виноват в том, что Галл («Тебе вручаю») долна до трагической любви? Школа, семья или тешишки, о которых она и не думает? Все виноваты в какой-то степени. Школа в том, что очень мало объясняет о чести девушки и достоинстве юноши, о взаимоотношениях между ними. «Стыдистки» подобных вопросов, обходит, но жизнь не обходит молодежи, и они узнают многое, но не всегда в чистом, настоящем виде. Парням и девушкам школа поможет узнать только же молодые люди, как всякая жизнь, из этого же рассказа. В семье зачастую и не думать это объяснять. А вот когда девушка совершает ошибку, порой неоправданную, тогда мы начинаем говорить о чести и достоинстве, обвинять в аморальности и т. п.

А где же были раньше все эти воспитатели, взрослые умные люди?

Электрик Виталий ТРЕСКО, г. Кривой Рог.

Я за разумную любовь. В человеке всегда разум должен победить чувства.

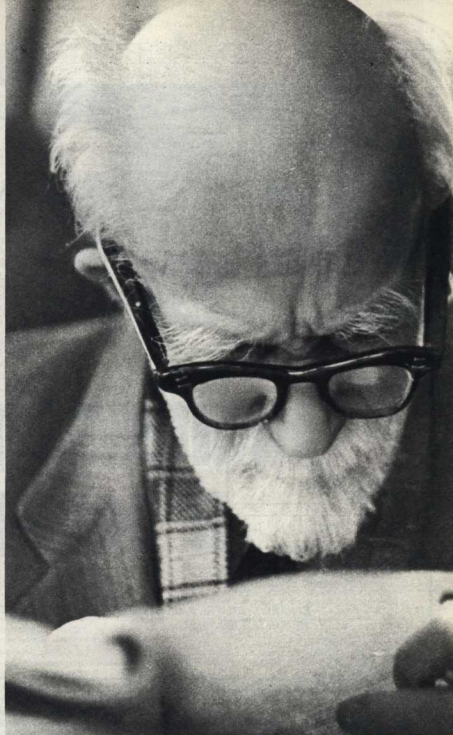
В. АЛЕКСЕЕВ.

ВСЕ ЧИ- ТА- ЮТ

Фото М. МУРАЗОВА

Итак, все читают. Читают везде: дома, на работе, в гостях, на улице, в метро, автобусе и трамвае, в парках и садах, даже на «островках безопасности» пешеходных дорожек. Читают все: книги, газеты, еженедельники и еженедельники, толстые и тонкие журналы, в том числе, конечно, и наш журнал «Смена».

Истати, дорогой читатель, не забудьте, что

**подписка на журнал «Смена»
принимается без ограничений.**

ВАНДУГАТЬ В КОРОЛЯ

Александр КОТОВ

ИГРАЕШЬ ЛИ ТЫ В ШАХМАТЫ? Я НЕ МОГУ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЭТУ ЖИЗНЬ БЕЗ ШАХМАТ...

Л. ТОЛСТОЙ

В литературе описаны случаи, когда лучшие друзья становились вдруг кровными врагами. Поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; возмущившись поведением Онегина, на дуэль его вызвал Ленский... А сколько известно примеров соперничества лучших друзей в искусстве, в науке, в спорте!

В эти дни мы являемся свидетелями жестокой схватки двух друзей — талантливейших гроссмейстеров Бориса Спасского и Михаила Таль. Волею судьбы они вынуждены теперь сестра за сестрой друг против друга, чтобы справиться в самом ответственном, самом напряженном поединке.

О том, чтобы сыграть матч с чемпионом мира, не говоря уже об обладании шахматным троном, мечтает каждый гроссмейстер. Увы, не всякому это удается! Вспомним многократно неудачи у самого порозга таких прославленных шахматных асов, как Пауль Керес, Ефим Геллер, Виктор Корчной. Вот почему в двадцать партий, которые сыграет между собой Спасский и Таль, они вложат все свое умение, весь талант, все короткое по годам, но почуительный опыт шахматной жизни.

В конце сороковых годов из Ленинграда стали доходить сведения о чудесном мальчике — Борисе Спасском, показывавшем незаурядные способности в шахматах. В 13 лет Борис получил звание кандидата в мастера. Предсказывали Спасскому блестящее будущее не только его учитель Владимир Зак, но и беспристрастные гроссмейстеры. Зак не спешил выпускать питомца в большой шахматный свет, предпочитая занятиями во Дворце пионеров отработать у Бориса все необходимые качества шахматного бойца.

Спасский рос и воспитывался в бедной семье, без отца, вот почему нужно воздать должное ленинградцам, сумавшим поддержать одаренного мальчика, создать ему необходимые условия для роста и совершенствования. Он не был вундеркиндом, карикатурный образ которого давно уже стал любимой пищей юмористов. Ни односторонности, ни странности. Это был здоровый, подвижный мальчик, умевший сочетать иступленные занятия шахматами с отличной учебой в школе и спортом.

— Что ты ходишь в шахматной кружке! — не раз говорили Боре завистливые тренеры по прыжкам в высоту. — У тебя же рываешься на диване, ты уже сейчас берешь метр весомейше. Мы из тебя быстро сделаем чемпиона!

Однако даже эта соблазнительная перспектива не сломила любви к шахматам. Не мудрено, что любовь вскоре стала взаимной. Благородные шахматы воздали должное своему поклоннику и за несколько лет открыли ему столько сокровенных тайн, сколько другому не открывают за всю жизнь.

В шестнадцать лет Спасский получает звание мастера. Даже малопослушному асю, что это такой спокойный юноша с берегов Невы не останется на «промежуточном» звании. И вот что интересно: спортивный успех Бориса ни в малейшей степени не отразился на его учебе в школе! Когда наступила пора получать аттестат и поступать в Ленинградский университет, один только петиции сопровождали новооявленного шахматного мастера.

Когда-нибудь истории шахмат, описывая путь Спасского к победам, много строк уделит именно 1955 году, Августовским теплым вечером мы встречаем в шведском городе Гетеборге Бориса Спасского и Юрия Авербаха, прилетающих из Бельгии. В руках у нас

цветы, ибо встречаем мы победителя. И какого победителя! Спасский только что стал чемпионом мира среди юношей. Этот титул, кстати, во второй раз не удастся завоевать советскому представителю за все следующее десятилетие.

Приезд кино «короля» в Гетеборг был связан далеко не с туристскими целями. В последнем чемпионате СССР среди взрослых Спасский попал в четверку победителей и завоевал право играть в мексиканском турнире. Сразу же после упоминательной битвы с оппонентами ему предстояло сражение с опитными корифеями, собравшимися в шведский порт со всех концов земного шара. Это был очень важный турнир: в перспективе, в случае успеха, его ждал турнир претендентов, а то и матч с Михаилом Ботвинником. Уже те дни были болельщики, рисовавшие себе «современного» шахматного короля: чемпионом мира среди юношей и среди взрослых в одном лице.

Борис отлично провел большую часть гетеборгского состязания, как вдруг близ финиша «испотопился» и проиграл важнейшую партию. Опечаленные, идем мы в гостиницу, молча ужинаем. Потыкая в тарелку вилкой, Спасский отправляется спать.

— Нужно поддержать Бору, успокоить его, — говорит мне опытный шахматный болельщик Сало Флор, и мы отправляемся в комнату Спасского.

Тот... преспокойно похрапывает на кровати. — Вот что значит восемнадцать лет! — воскликнул Флор, уверенный, что звук его голоса не разбудит Спасского. — Я бы до рассвета ворочался, мучаясь бессонницей, а он...

Впрочем, мы пришли к выводу, что в этом спокойствии совсем не было беззаботности молодости. Скорее, это была уверенность в своих силах. Борис отлично сыграл последующие партии и попал в турнир претендентов. И это состязание он провел отлично, хотя и не смог опередить с блеском игравшего в те годы Василия Смыслова. Успех в Гетеборге принес Борису Спасскому высшее звание — международного гроссмейстера. Никогда до того времени не удавалось получить это звание в столь раннем возрасте, лишь Роберту Фишеру посчастливилось впоследствии побить своеобразный рекорд Бориса.

Полоса невезения началась через три года, а следом за этим — черная полоса. Отлично проведя XXV чемпионат СССР в Риге, Спасский за две тура до конца встал перед трудной проблемой: играть ли последние две партии на выигрыш или ограничиться спокойными ничьими? Победы давали привычную медаль чемпиона СССР, зато ничья обеспечивала выход в мексиканский турнир. Что и говорит, многие предпочли бы путь победоисне! Многие, но не Спасский. Он играет на выигрыш и... проигрывает. Испарился не только золото, но и билет в Югославию на мексиканский турнир. На три года Борис был выбит из системы отбора претендентов.

Что ж, три года — срок небольшой! И вот новый чемпионат СССР, на этот раз в Москве. Опять блестящая игра Спасского, опять победы — и вот трижды подряд вылетает он с турнира в двух последних партиях. Два раза по две — это уже какой-то рок! У Спасского появилась своеобразная боязнь финиша, страх перед последними партиями.

К счастью завулач обидчик гор несознательно критиков. «В жизни раз бывает восемнадцать лет», — писали тогда под карикатурами на Спасского.

Наступил год 1964-й, год рождения нового, а вернее, прежнего Спасского. Как Боксер, ставший в конюшне в вынужденном бездействии, Спасский пришелся крушить подраб всех своих конкурентов. Первое место в зональном турнире, триумф в мексиканском, первый приз в сложнейшем международном турнире в Бельгии. Повернуть вот два выигранных матча. Вместо турнира претендентов была введена система матчей, и Спасский с блеском справляется с самыми опаснейшими конкурентами: 6:4 против Кереса, 5,5:2,5 против Геллера. Повернуть два матча, теоретически забаррикадировавшись шахматно королю Петроскину стоит один лишь Михаил Таль.

— Когда Миша вытнет вперед подбородок и поведет головой из стороны в сторону, никто из его противников не в состоянии остаться спокойным,— говорит Тигран Петросян.

Действительно, играть против Таля непросто. Вот он сидит относительно спокойно. Вдому ему загорается Миша. Каким-то образом не рыскает глазами. Он нашёл возможность жертвы и проверяет ее. В этот момент он терпит спокойствие, и что хуже всего, не оставляет равнодушным его противника. Оба возбуждаются, нервничают. Наконец, ход сделан. Миша поспешивает со стула и бежит по сцене под вопли изумлённых зрителей, которых тыщно пытаются успокоить судьи и организаторы.

Есть какая-то особая, чисто талевская манера подаваться на турнирных зода. Вот Миша вечно-нашего продвигает пешку на два поля, и тут же всхлипывает аплодисменты. Мне пришло в голову как судья в таких случаях бросаться между рядов ступенек к нарушителю.

— Кто вы аплодируете?! — сердито спрашивает в бешельщик.

— Смотрите, какой ход-то сделал!

И бесположники оказывались мот похиты объяснить обидность сделанного хода. Талевский гипноз оказывается более сильным, чем разум.

Нельзя не любоваться этим человеком. За многие годы знакомства с ним я не помню ни одного плохого слова, сказанного в адрес коллеги. Таль доброжелателен, искренен в дружбе, незаисствителен и беззлобен. Вот почему так любят Мишу Талю не только его многочисленная поклонница, но и коллеги.

И совсем уж чудит только его игра. Таль — это каскад жертв. История знает случаи, когда Таль пытался перейти на спокойную игру, но именно в этот момент кончался Таль. Перед матчем с Бентом Ларсеном Миша сказал:

— Если с Портшмем я раздуваю огонь, то в матче с Бурном датчанином должен утратить страсти.

И в первой же партии начал выполнять непривычную для себя роль «пожарного». Божья моль, что делалось в этой партии! Уже в середине игры рижанин сидел в безнадёжной позиции. Таль не успевает, что похитрыть, а продолжался ещё в течение первой партии, а в остальных мы увидели прежнего Талю.

И какого Талю! Вы помните: счёт в матче Таль—Ларсен все время висел на волоске. В итоге судьбу матча решила последняя, десятая партия. Таль устал и дебоит, жертует коня. Я уверен, никто из ныне здравствующих гроссмейстеров и может быть, даже сам покойный Александр Алехин не пошли бы в столь ответственной партии на жертву. А Таль шло! Мало того, он и в дальнейшем пытался похитривать слона и еще кое-что, но противник не пошел на обострение.

Необычна и своеобразна шахматная карьера Михаила Талю. И не только шахматная, а вся его любовитная жизнь. Школа, оконченная в пятнадцать лет, досрочно прерванная университетом. Чисто талевский «комбинационный» диплом — «Романы Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Неожиданный шахматный взлет и золотая медаль в чемпионате СССР 1957 года. Победное шестое 25-летнего Талю в шахматном турне и триумф в матче с Михаилом Ботвинником в 1960 году. Короткое содержательное царствование и «бездарное» поражение в матче-реванше на следующий год. Самый юный шахматный король, и к тому же самый юный... экс-чемпион мира.

Такое чередование побед и поражений способно бескуражить любого человека. Может быть, это случилось бы и с Талем, если бы у него не было надежного защитного пенцира. Пенцир этот — беспредельная любовь к шахматам, называемая чемпионом мира прибывающей что-нибудь в его время и шахматному искусству? Разве извержение с шахматного трона лишает бывшего короля возможности все так же упоенно сражаться в билц-турнирах? Конечно, нет. Главное — любить шахматы, а это — дело предвечное. Так рассуждает Таль.

Интересно играть с Талем, но, пожалуй, еще интереснее общаться с ним. Остроумный, на-

одушный, высокообразованный, Таль может поддержать любой разговор, стать душой любого общества. Главное — это живость ума Талю, его находчивость и остроумие в шахматной, не уступающие его остроумию в разговоре.

Таковы противники — самые молодые гроссмейстеры Советского Союза и, без сомнения, самые талантливые. В их прошлом, во всем, что связано с ними, — много турниров, много сходства и много различий. Оба воспитанники Дворцов пионеров, оба впитали живительные соки отечественной шахматной школы.

Есть еще одно общее и Спасский и Таль — это свеще опытный, до последней капли крохи преданных секунданта-тренера. Гроссмейстер Игорь Бондаревский, отдавший Спасскому все свои знания и опыт, был когда-то сильным практиком. Ныне он отличный тренер, умеющий найти правильный путь в любой ситуации. У Александра Кобленца — секунданта Талю — нет такого прошлого, как у Бондаревского: он редко выступал в крупных турнирах, зато опыт тренерской работы у него, пожалуй, не меньше. И главное, оба — жертвы в детстве. Пусть методы его поддержки иногда кажутся странными, но они важны для Талю, ибо помогают ему обрести уверенность в силах, душевное равновесие.

Бывает, что Таль выигрывает партию с помощью коиментаторской женщины — жертвы, которую легко опровергнуть последующим анализом. Когда Таль приходит со сцены в пресс-бюро, Кобленц встречает его шутливо-похитрительным восклицанием:

— Нуша, ты герой!

Другими при этом порою смеется, а Кобленц знает: это лучший способ поддержать боевой дух своего подопечного, мобилизовать его для следующей битвы.

Больше всего, конечно, вас волнует вопрос: кто победит, Спасский или Таль? Ответить на него труднее, нежели определить шансы любой другой шахматной пары. Не помогайте нам и анализ предыдущих их встреч в турнирах, хотя это достаточно оправдано. Как говорит Таль, счёт сыгранных между ними партий, не считая ничьих, далеко не адекватно отражает рижанина: 5 : 1 в пользу Спасского. Можно даже говорить о том, что Таль просто не выносит Спасского.

Аналитик по-иному поймет эти цифры. Конечно, и в шахматах, как в других видах спорта, может быть, что кто-либо из бойцов буквально не может сражаться против равного по силе. Объясняется это своеобразным шокот от первого поражения, особенностями характера, стиля и т. д. Но известно и другое. Чаще всего притесняемый в один из моментов вдруг берет верх и потом уже «мстит» со страшной силой за все предыдущие «обиды». Не будет ли подобное и в этом матче? Кто знает!

Еще один интересный вопрос: кто из них является наиболее опасным противником Тиграна Петросяна? От кого шахматный король должен ждать больших неприятностей? В эти дни мнения знатоков расходятся. Одни утверждают о безудержном, порывистом Талю; другие заявляют, что только гармонично развитый стиль Спасского страшен для невозмутимого Тиграна.

Стиль Спасского и Талю во многом различны. Пришелце с берегов Невы ставит дебюты солидно, хотя и не прочь иногда «похитривать», похитриваться с явно забюроанным вариантом. В его репертуаре имеется даже такой рискованный дебют, как королевский гамбит. Способен Бондар и на безрасудство в дебюте. Бондаревский рассказывает, что во время одной из партий матча с Кересом, он простоя хотел уехать из Риги, возмущенный тем, что Спасский применил давно забюроанный теоретический вариант, от которого он не раз отговаривал своего любимца. Партия кончилась поражением Спасского, причем довольно быстро. К счастью, такие срывы — явление редкое.

Таль еще более опречетич в дебюте. Да-

же в матче на первенство мира с Ботвинником он применял такой плохой вариант в защите Каро — Канн, что противнику оставалось без особых усилий похитривать плоды безрасудной талевской стратегии.

Конечно, Таль, сделав для себя выводы (он с тех пор повзрослел), но все равно и сейчас не может удержаться от того, чтобы кто-нибудь не «костил с асфальта» и не начал вихлять на обочине.

Содержательная игра обоих противников в матче-реванше. Здесь и Таль и Спасский чувствительны в выдумках. Таль, конечно, чаще жертвует, зато в замыслах Спасского больше единства и согласованности в действиях фигур. По мнению многих шахматистов, сейчас нет равного Спасскому по гармоничности стиля, умению одинаково искусно вести и стремительную атаку, и упорную защиту, и хладнокровное маневрирование в спокойных позициях.

Высокоталантливы оба претендента в энциклопедии, а ведь искусство энциклопедии — обязательная специфика всех шахматных королей. Высокие спортивные качества бойцов: оба устойчивы, упорны, обладают сильной волей, не расстраиваются при проигрышах.

Разные дороги привели двух конкурентов к этой встрече. Один — путь радости, восторженной цели, но делал по пути непредвиденные, обидные остановки. Другой побывал уже в роли высшего шахматного владыки, и ему известны все извилистые пути на шахматный Олимп. Если Талю придется играть матч с Петросяном, это будет уже второй нежданный в истории шахмат рекорд.

Итак, как включены. Первый ход сделан. Кто же победит? Скажу вам откровенно: я не знаю.

БОИ МИНУВШЕ

Михаил Таль и Борне Спасский встретились в официальных соревнованиях похитривать раз. Две партии закончились выничью, пять выиграл Спасский и лишь одну — Таль. В начале финального матча претендентов давайце испомним отдельные фрагменты из их прошлых похитриваний.

К этой любовитной энциклопедии похитриваний пришел после долгого затишья матч против Спасского — Таль на чемпионате страны в 1956 году. Спасский эзегитивно и тактически четко реализовал свое преимущество. Встреча закончилась так:

28. Cc4! Kp2-2p. Le7! K:e7-3p. C:g7-Kp8-3l. C:f8 Kp:f8-3l. Lf1-Kf2 Kf7-Lf7 Kf5-3f. L:a7 Kd4-3f. Le7. Черные сдались.

Два года спустя, на очередном первенстве СССР, Таль, снова игравший черными, взял реванш. Он ригралдо остроумно похитривать Спасского белыми. Таль использовал выдумку нынешнего энциклопедического Мата после 61... L:e6-62. Фg5+ Kp:f6-63. Фe5+! Таль искусно похитривался ошибочными действиями противника и не только выиграл шансы, но и провел победоносную контратаку.

Вот как это произошло: 61... Kp:f6-63. Фh6+ Kp:f5-63. Ld8-Фe6. Lf1-Kf2 Фd6-68. Lf4 Kf7-69. Le2 Фe6-70. Lf3 Lf1-11. Lf2! Фe4+ 72. Lf3 Kp:f7-73. Фe8+ 75. Белые сдались.

неожиданно направляло его в эту поездку. Но не в его характере было выносить причины свавишегося на него счастья. Главное — что это случилось, а почему — его интересовало, как прошлогодний снег.

Встреча с давнишними друзьями была своей радостью. «Заманья», с которыми он обычно осуществлял свои комбинации, просто обомлела от радости и немедленно приняла в действие все свои связи. Улей получил отменную.

Единственные, кто оказался не в восторге от его приезда, были его собственные старшие и студентка-сестренка. То есть вначале они тоже были обрадованы, но потом, заметив, как тащит он в дом баракло, как приходит среди ночи «люди газам», они сначала решительно потребовали прекратить все это. Но Олег самодемонно объявил, что задания своего начальства он уже выполнил и теперь намерен отдохнуть. Тогда сестренка пригрозила пойти в милицию. Мать все дни хоронила с красными от слез глазами. А отец, крутой и вспыльчивый, неожиданно просто выгнал его вон, причем сам купил ему билет и не уснописал, пока не усадил своего «мерзавца и балбеса», как он выражался, в вагон поезда, да еще пригрозила через месяц приехать в Москву и, как он тоже выражался, «навести окончательный порядок».

От отца в этом смысле можно было ждать каких угодно неприятностей. Они могли оказаться тем более чувствительными, что совсем недавно Олегу уже вызвали в милицию — спасибо бывшему другу Василье! А там какой-то доносчий молодой парень, оказывается, что-то пронохал о его комбинациях. Правда, Олег тоже в догду не остался и под Василье «вину подал». Все же на душе остался неважный осадок от этого визита. И поездка в Одессу, как полагал Олег, должна была помочь ему встряхнуться и «войти в рабочую колею». Но этого не получилось!

Мало того, что отъезд его был обставлен родными столь бестактно. Главное заключалось в том, что его «вапери» значительно раньше, чем он рассчитывал. У него даже не закончилась нована-

дировка. В связи с этим он, правда, решил не сильно-то дней не являться на работу, благо никто его так рано там и не ждет, и использовать это время для «деловых встреч и заключения «контрактов». Прежде всего следовало распределить приличный «товар» с учетом возможностей его «контрагентов». Этой работой Олег и занялся сейчас, заперевшись от надоедливых соседей. Но работа эта требовала сосредоточенности и тонкого расчета.

Вот в этот-то, такой напряженный момент и раздался в коридоре звонок — два длинных и один короткий — и нему!

Олег поспешил утихнул «товар» в чемоданы, напустил брюни и припустился.

Дверь открыла старушка соседка.

— Олег дома? — раздался чье-то незнакомый голос.

— Дома, дома, — поворочала соседка. — Вон тут да чин.

Олег не любил неожиданных вторжения и нему незнакомых людей. «Может, опять из милиции? — мелькнула тревожная мысль. Это было сейчас не только неприятно, но и опасно.

В дверь стукнули, небрежно и как-то неофициально.

Олег нехотя открыл.

Перед ним стоял смуглый, черноволосый парень, высокий и жилистый, в мятом пиджаке и расстегнутой рубашке. Наглазеть, чьи глаза смотрели на Олега с нетерпеливым изумлением.

— Это ты, Олег? — спросил парень недоверчиво.

Олег насмешливо осведомился:

— А что, не походит?

— В том-то и дело, что не походит.

Олег окончательно уснописал и даже развеселился.

— Я, между прочим, только на лалу с мамой похож. И то, они говорят, чисто внешне.

Но гость не был расположен поддаться шутке.

Лицо его стало хмурым и злым. Он шагнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

— Ты трепляешься? Брось. Я делаю спрашиваю, — ты слышишь? — Дрянь тебе, Олег, ты слышишь, Вася!

— Выл. Из заре туманной юности. А что? — вынет?

Олег, покаяв плечами, назвал адрес.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

— Я перенес его дружкам не вел. Особыми посылками.

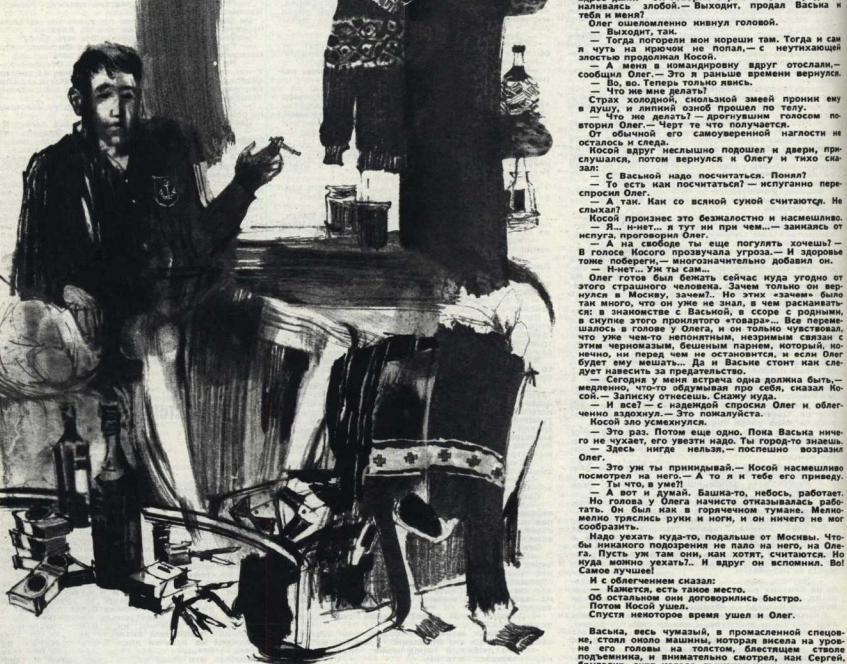
— Чего-то ты на того Олега не походи.

— Миле, тебе придется самому уметь искать. — И фамилия твоя Полунов?

— И я папа Полунов, и дедушка Полунов.

С дядей Полуновым ты дружишь давнишнее? —

— Ты брось трепляться, — угромо покосившись на Олега, — у Василье еще нашего друга Олег кому зовут?

Пожурная сигарету и хурься, Олег рассматривал все свой заграничный товар.

ный шум. С разом въезжали и выезжали машины, гудели подоминки, перекликали десятки голо-
вот, веселых, сердитых — разных.
Сергей первая Васюса ислечаманные тормозные колодки и стрыжило признавал:

— Вытри и наждачкой их!
— А отчего это их так!
— Промойди пробкой. Не видишь?
Васюса кинулся за наждаком.
Прошло уже несколько дней, как его восстано-
вили на работе, а он все еще был возбужден, как
после выматраемого сражения. Здорово тогда Ви-
таний этого Вариникову принал, и районной ко-
миссии вымашал. Редята там, оказывается, буда
морокой Но чего совершенно не оиждад Васюса, так
там прихода Витаня Сахарова из штаба дружины.
Пришла томе заступаться за Васюку! Смехотура!
Но смешно было сейчас, а тогда Васюса смелая
искусалас, а потом не знал, куда спрятать глаза.
Ум и-то-то, а Сахаров знал о всех его «жудюи-
ствах». Васюса, конечно, жегидать, что и тут
он обомлел без Витаня. Но все же.
Васюса с оиоточением тер ключком наждачной
бугалы тарозные колодки, когда к нему подошел
кто-то из ребят и сказал:

— Слышь? Тебя там, на проходной, один спраши-
вал — кто тынок?
— Да знакомый, говорит.
Васюса отложил колодки и, предупредив Сер-
гея, не слыша, в разалочку вышел из гаража и
пересек двор.

За проходной его домчалас Косой.
Танде его, Васюса в первый момент растерял-
ся, так дален он был сейчас от мысли об этой
встрече, а потом, о которой он пред-спрашивал
себя. Он знал, что надо было делать. Обо все условоно. Витан-
ль вел себя там, в Снежинске, как надо. Косой
ни о нем не подозревал.

Сильно раз мысленно Васюса представлял себе
эту встречу, каждый раз воиунисл и с трудом
сдерживал все возрастающую дель от дель нена-
висти к этому человеку. Это был человек, ит и в
тех, кто теперь оирурал Васюку. С ним нельзя
распартисать так, как раньше. Ни ударить номом.
С ним надо было хитрить. И Васюса дала себе
плату: все сделать как надо. И вот пришло время
выполнить ее. Косой пришел, он идет, он рас-
считывает найти в Васюсе приемного, поножорно,
запуганного гарня. Ну, ну, посмотрим.

Васюса вышел из проходной.
Косой заметил его и явануисл навстречу. На
убагах его играла знакомая, пренебрежительная
улыбка.

— Привет! — сказал он. — Не идал?
— А чего мне тебя иждать? Не делюшка.
— И то верно, — охотно согласилас Косой. —
Чего мне иждать. Надо будет, сам приптоаю. Верно
говорю?

— Верно.
«Ишь, какой ласковый, гад», — подумал Васю-
са. — В тебе плити палити, многозначительно сказал
Косой. — Дело есть. Фартовое. Введи уверен.

— Опять тануть с меня бугалы?
— Не. Все, — поспешно заверил Косой.
— А плушту ты ииудил ии ил?

Косой канкто странно взглянул на Васюку и с
напуском беспешночю ответил:

— Не бойся, она в порядке.
— А молсят нашел?
— Мослит. Не. Не нашел.
Васюса почувствовал, как у него отлегло от ду-
ши. Ему сейчас было странно дае подумать, что
из пистолета отца мог выстрелить этот
бандит. Из пистолета отца.

— Ладно, — тряхнул головой Васюса, словно прогна-
вля наумственные сейчас мысли. — Ладно. Говори,
какое дело есть?

Косой накоротко усмехнулся.

— Всего сказать не могу. Со мной поедешь.
— Ну, лад!

— Сначала на вокзал подосично, кой-чего за-
берешь. И в одно место отвезем. Делою из вечер.
Васюса на ииг вадру стало почувто странно.

То ли от странной усмешки Косого, то ли от
необходия дель него дружелюбия, но он не
воронил сейчас. Но он легко поборил в себе это чув-
ство.

— Когда поедем? — деловито спросил он.
— Сейчас надо. Оттрисышь, работат?

— И оттрисышьса нечего. Сейчас все равно
ночюаю. Вот переоденуся только.

— Ну, давай, топай.
Когда Васюса вернулся, рабочие уже расходи-
лись, умытые, сбросившие свои слезичны.

— Васен! — крикнул Сергей. — Болеть поедешь?
Сегодня мы с четирышадтой базой итнем.

Сергей имел второй разряд по волейболу и уже
давно заманивал Васюку и себе в команду. «Ран-
дичия у тебя — блесн», — говорил он. — И удар силь-
ный. Но техника не човчалаз.

— Собираеися окомо мотористов», — добавил Сер-
гей.

Сегодня не могу, — с сожалением, которого
он сам в себе не оиждад, ответил Васюса. И в
этом было что-то больше, чем невозможность
посетить интересную игру, что ииелетелас Васю-
се и сам не понял.

Он торопливо улыбался, переоделас, забравшись
в какую-то машину, потом бегом кинулс и теле-
фону.

Цветков, и счастье, оказался на месте.
— Федор Кузьмин, — торопливо сказал Васю-
са. — Принять повлася. Зовет с собой. Дело у
него есть. Можно поехать?

— Сказал ну, лад!
Сначала на Прославский вокзал, за вещами.

Цветков на другом конце провода секунду по-
медлил, что-то, видимо, обдумывая, и ответил:
— Езжай. Но только на вокзал. И все. Оттуда
домой. Под любым предлогом можно. Смотри, Васю-
са. Не забывай, о чем условоились.

ПЕРВЫЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОДИНА ВИКТОРА ШЕВЯКОВА — КАМЧАТКА. ТУДА ОН УЕХАЛ ИЗ СТОЛИЦЫ ЖИТЬ, РАБОТАТЬ, «ИСКАТЬ СЕБЯ» В ПОЭЗИИ, ВОИНСКОЙ ЧАСТИ, В КОТОРОЙ СЛУЖИТ ИГОРЬ РОГОВ. СТОИТ НА САХАЛИНЕ. СОЛДАТЫ ЛЮБЯТ СТИХИ СВОЕГО ТОВАРИША ИНЖЕНЕРА ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ ВЛАДИМИР СМОЛДЫРЕВ — РОБЕСНИК РОГОВА И ШЕВЯКОВА СКОРО В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ВЫЙДЕТ ЕГО ПЕРВАЯ КНИЖКА «АКАВЕРЬЕ» МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ВПЕРВЫЕ ВЫСТУПАЮТ ПЕРЕД ВСЕОЮЗНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ. ПОЖЕЛАЕМ ЖЕ ИМ УСПЕХА!

Виктор ШЕВЯКОВ

Напишу

Там,
где Пенкинка быстрая
мчит маслянистые воды,
Там,
где свежую рыбу
на завтрак собакам приносит,
я на равных жончу
с коряским народом,
проводя двадцать летую лето,
свою двадцать летую осень.

Даждать лятя осеню...
У тундры душка нараспахну...
— Принимаем тебя! —
мне кричат каменистые сопки.
И высокое небо,
надев голубую рубашку,
взглядом требует песни,
как МИР,
голубым и высоким.

Напишу!
Каждый цвет,
каждый звук,
каждый запах!
Дайте время,
я мыслн сквозь сердце
просею.
Я оставил свой дом —
отуропенный, выбранный Запад,
чтобы леть бороздатым,
простуженный Север.

Игорь РОГОВ

Рубанок

Шик-шик,
шик-шик,
вонючеся рубанок,
притерислс я к самым важным дел.
И мой отец
в расстегнутой рубашке,
творящий чудо.
Это он умел.
С искусством дрвинна,
ох, как был он дружен!
Я сплоскчеся постигал...
И отключалася — едаа дышало...
обрывалася стружка —
древесная смюлзаста дуща.
И вот теперь,
когда меня ругают,
«снимают стружку» верные друзья,
я чувствую, я чувствую
рубанок.

То был не я.
Вот перед вами — я!

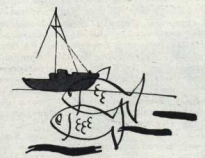
Владимир СМОЛДЫРЕВ

Кочующие острова

Когда июль войдет в свои права,
и измелъчав, река терлет силы,
кочующие в дельте острова
песчаные показывают синиы.
И, просыхая, нежестас они.
И стрекоча, стрекочущая сонно,
летит над ними в плавни, в камыши,
глаза бессмысленные вылучиса
солнце...

Но в полночь, прикрываеися темнотой,
низкий ветер — ветер непогоды —
широкой грудью ляжет над рекой
и дамнет аспать взлохлочаеися воды.

И, проирушав прощальные слова,
оплакая ласку сгнившего зноис,
кочующие в дельте острова
на дню мьрают и кочуют снова...

(Продолжение следует)

О конце футбольного матча между командами «Балтимор колтс» и «Грин Бей перекс» оставалась одна минута — восемнадцать секунд. Балтиморцы безнадёжно проиграли хозяевам поля, и тысячи зрителей, собравшихся на стадионе в Грин Бей, подбавляли криками свою команду только для порядка. Балтиморцы могли спасти лишь чудо — неожиданный прорыв через все поле в конечную зону, за что по правилам американского футбола полагается самая высокая награда — шесть очков.

И чудо случилось. «Днян» (мяч в американском футболе похож на мяч для регби) попала в руки Полу Хорнгану, лучшему игроку «Грин Бей пе-

в глаза бросился: Сэм Джинканка — босс чинагского мафи.

— Знаете этих?
— Вы медли с ответом. Кое-кого он знал. В списке ему встрили; име на нескольких знакомых бумажков и владельцев казино. Говорит или не говорит?
Голос Розелле вывел его из задумчивости.

— Вы помните параграф 11-д НФЛП? Да, он помнил этот параграф. Каждый год им зачитывали его вслух: «Национальная футбольная лига имеет от право: а) оштрафовать и временно отстранить от участия в соревнованиях; б) оштрафовать и отстранить от соревнований пожизненно и в) разорвать контракт с любым игроком, который примет взятку», согласится подстроит заранее определен-

предлагал стипендию для меня и моей девушки.

Вербовщики обхаживали не только Пола Хорнгану, но и его мать: «Миссис Хорнган» — говорил один из них: — Вот у вас подыдаёт стонт мой новый «кадиллак». Он может стать вашим. Вам не придется даже самой сидеть за рулем. Если вы захотите, вас отвезут в нем на любую матч, где будет играть Пола.

Однажды к дому Хорнганов подъехал еще один «кадиллак». На этот раз в роли вербовщика выступил сам губернатор штата Кентукки. «Оставьте его здесь, миссис Хорнган» — сказал он, крадучиво улыбаясь. — Мы сделаем для него гораздо больше денег. И для вас тоже.»

В конце концов в гониме за Хорнганом победил привилегированный

Но Барни помог мне быстро забыть об этой неудаче.

Вечером, когда Хорнган сидел в баре, размышляя, где бы достать денег, к нему подошел Эри.

— Ты же мой гость!

В руке Пола оказался чек на крупную сумму. На его недоуменный вопрос Барни ответил с улыбкой:

— С тех пор Барни стал частенько навещать к Хорнгану. Перед очередным матчем он на правах старого знакомого заходил к нему в номер или в раздевалку.

— Иногда я давал ему советы, на кого ставить. Он просто спрашивал: «Как ты себя чувствуешь?» И я отвечал: «Отлично», «Выиграете!» «Наверняка!» — говорил я. И Барни удивлял...

ПОЛ ХОРНГАН ДЕЛАЕТ

Вл. БОЛЬШАКОВ

керс. Все ждали его знаменитого рывка — головой вперед, напролом через стенику. Но Хорнган неожиданно отбросил мяч назад, и тот попал к игроку балтиморцев Дону Шиннику. Это и решило исход матча. Шинник добжал до конечной зоны, и счет стал 21:20 в пользу балтиморцев. Стадион взревел. «Предатели!» кричали Хорнгану с трибун. «Жулики!» Виновики проигрывать вынужден был спадать от разъяренной толпы через заласную лод. Он знал, что его не пощадят бы.

На стадионе в Грин Бей проиграла не только команда Хорнгану. Проиграли тысячи болельщиков, заключивших пари с бумажерами. «Грин Бей перекс» долгое время сохраняла репутацию «королевской династии» Национальной футбольной лиги (НФЛ), объединяющей профессиональные футбольные команды Соединенных Штатов, и до встречи с балтиморцами шла без поражений. Понятно, что большинство болельщиков поставило свои доллары на нее.

Через месяц после матча в Грин Бей в ресторан, где Хорнган кутил с приятелями, позвонил уполномоченный НФЛ Пит Розелле. «Когда вы сможете прибыть в Нью-Йорк?» — спросил он Пола. — Мне надо поговорить с вами. Это очень серьезно.

На следующий день Хорнган был в Нью-Йорке. Он чувствовал, что разговор с Розелле не сулит ему ничего хорошего. Обычно приветливый и добродушный, Розелле сухо поздоровался с Полом и попросил перед ним листок со списком фамилий. Сразу же

новый счет матча... заключает пари с бумажерами...»

Итак, Розелле объявил его в связях с бумажерами.

— Вы должны будете дать нам официальные показания. Вы согласны?

Его вводит в комнату без окна. Два человека в научных сидят за столом напротив. Кажется, что стол далеко-далеко. Хорнган — один из двух микрофонов и со своим прошлым.

— Говорите правду и только правду. Отвечайте, как все это началось. С чего же начать? Со встречи в Грин Бей? Нет, все началось раньше. Гораздо раньше.

— До 17 лет я играл в футбол просто ради развлечения. Но затем я понял, что из этого можно делать деньги... Хорнгану было всего 17 лет. Он заканчивал среднюю школу в Луисвилле, штат Кентукки. Пол не блистал познаниями, но зато блестяще играл в футбол. Ему прочили большое будущее.

Задолго до выпускного вечера в Луисвилле побывали десятки колотников за юными талантами из самых разных колледжей. Каждый хотел заплучить Пола для своей футбольной команды.

— За последний год в школе я получил 35 предложений от самых разных колледжей. Один колледж предлагал мне новый автомобиль, полный комплект одежды и деньги на карманные расходы; другой гарантировал, что по окончании на мое имя положат 10 тысяч долларов; третий

католический колледж Нотр-Дам. Полу предоставили возможность бесплатно учиться (за это стоило бы ему десять тысяч долларов за четыре года) и стипендию на все время обучения.

Но не это привлекло юного футболиста. Ему предлагали и больше. Очаровательно его убавил тренер нотрдамцев Фрэнк Лижи: «Если ты хочешь попасть в профессиональный футбол, то для этого есть две двери: с черного хода и с парадного. Так вот, Нотр-Дам, малыш, — это парадная дверь. Я думаю, что смогу сделать из тебя самого большого футболиста в Штатах.»

В Нотр-Даме Пол сразу же стал всеобщим любимцем. Его, как равного, принимали в свой зыбный кружок даже те, кто с рождения имел свои собственные «кадиллаки» — отпрыски финансовых королей было приятно общество «принца футбола».

На бесконечные кутежи и пикини стипендия Хорнгану не хватало, а путешествовать куда-нибудь на побережье не вранья канюки казалось поначалу вообще несмыслимым. И тут судьба свела его с неким Барни Шапиро, владельцем процветающего казино в столице азартных игр Лас-Вегасе.

— Я встретил Барни в Сан-Франциско в последний год своего обучения в Нотр-Даме. Мы подружались, и он пригласил меня к себе в гости. То время я только что начал играть в «Грин Бей перекс». За неделю два дня я проиграл в его казино 400 или 500 долларов на «слот-машины» (игральные автоматы).— В. Б.]

И ставил на «Грин Бей перекс». И почти всегда выигрывал. Однажды Хорнган напомнил ему о своем долге. Барни отмахнулся: «Пусть это тебе не мучает. Ты уже давно их отработал.»

— Эти слова крепко засели мне в голову. А что, вслух. Но я снова и снова вспомнил Розелле и то, как он унылым голосом читал нам параграф 11-а: «НФЛ имеет право... отстранить на время... отстранить пожизненно...» И это меня останавливало.

В первый раз Хорнган купил билетик тотализатора в день финального матча на кубок НФЛ. Перед началом игры к нему в раздевалку зашел Барни. И, как всегда, спросил: «Как ты себя чувствуешь, малыш?» «Великолепно, Барни», Барни зямылся, а потом сказал: «Я впередю очко на все!»

— Мы поговорили еще немного. Так, не о чем. А потом я вдруг, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, я сказал ему: «Знаешь, поставь за меня сотню, идиет.»

Хорнган крупно выиграл. Потом он ставил уже не по сотне долларов, а по две, по три и больше. Были выигрыши крупнее, были промахи. Случалось и проигрывать. Хорнгану злянуло. Он уже не мог отказаться от легких денег и проуол на побережье в колонию шоу-герлс из казино Барни.

Навднее с самим собой он порой задумывался: «Зачем все это? Может быть, порасть с Барни? Не подходит к телефону?»

А утром снова то же самое: «Как ты себя чувствуешь, малыш?»
— Мне казалось, что я не делал ничего плохого. Я просто забыл, что у игрока есть обязательства перед спортом и болельщиками. Я понял это позже...

После матча в Грин Бей доверие к Хорнангу пошатнулось. И не только у болельщиков. За его другом Барни давно следила полиция. И когда клуб начал размышляться, ниточка привела следствие к Хорнангу. Да и не только к нему. Оказалось, что почти в каждой профессиональной команде были свои хорнанги.

В прессе появились скандальные разоблачения. На ничего не подозревающих болельщиков обрушились ошеломляющие факты.

«Ежегодный оборот игрового бизнеса (игра на скачках, тотализатор на соревнованиях по футболу, волейболу, баскетболу, регби и боксу, слот-машин, рулетка, кости и т. д.) составляет 50 миллиардов долларов», — писали газеты.

«В игровом бизнесе самый крупный куш срывает синдикат гангстеров Коза-Ностра (американская мафия. — В. Б.) — говорили представители ФБР — Ежегодно они получают до 10 миллиардов долларов чистой прибыли».

«Тотализатор на футбольных матчах — это почти кража: преступный синдикат, на службе которого состоят бумажеры, заключающие пари, снимает от 53 до 92 процентов общей суммы ставок», — писал известный американский публицист Фред

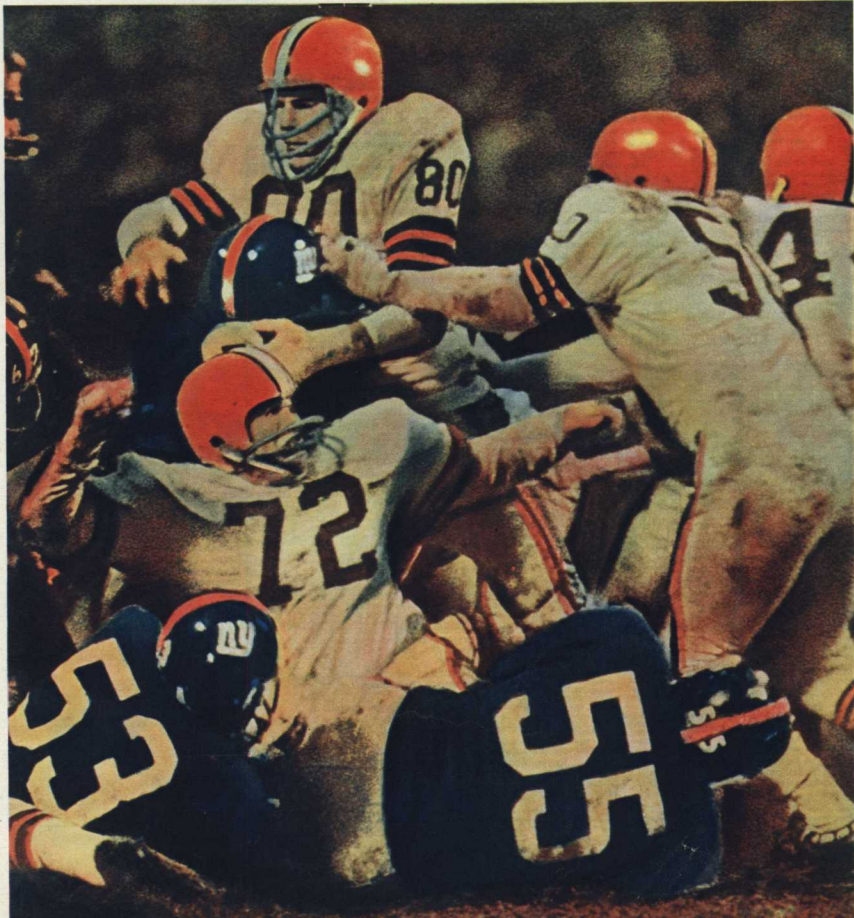
Кук в серии статей «Корпорация азартных игр».

Этот национальный скандал разразился три года назад. Газетная буря скоро улеглась. Магическая цифра — 10 миллиардов долларов чистой прибыли — заставила замолчать тысячи активных расследователей. Бизнес корпорации азартных игр по-прежнему процветает.

По-прежнему процветает в своем казино и Барни Шапиро. Он отделался легким испугом — небольшим штрафом. Пола Хорнанга на год отстранили от участия в соревнованиях. Сейчас он снова играет в «Грин Бей Перекерс». Что испытал за этот год Хорнанг? Как он жил?
Как это ни парадоксально, Хорнанга мало кто осуждал. Ведь он делал деньги! Скандал пошел ему только на

пользу. Он получал сотни приглашений на благотворительные банкеты, провел десяток пресс-конференций, снимался в кино, выступал по радио и телевидению. И получал тысячи писем от юных американцев. «Мне расстраивался. Пол!» — писали они своему идолу. — Каждый из нас поступил бы на твоём месте точно так же».

— За этот год моей вынужденной отставки меня принимали всюду как героя, а не как человека, совершившего преступление, — рассказал недавно Хорнанг корреспонденту американского журнала «Луки». — Это поразило меня. Мои финансовые дела шли блестяще. Был ли я счастлив, получая эти деньги? Пожалуй, нет. Было бы лучше, если бы я зарабатывал их игрой в футбол. Но так получилось...

Н. ЗЛОТНИКОВ

Окоп, который вырыл я когда-то,
Учебный и победоносный бой,
Огложине от выстрелов комбата
Являются во сне передо мной.

По России ночлеги
Остались мои.
Катят, катят телеги,
Глубоки колесы.

Час раздумья и лени.
Лес, поляны, кусты...
И ничто не замесит
Небыстрой эды.

Можно спрыгнуть
в рядом,
Словно вышел бродить,
С фиолетовым взглядом
Лошадным побыть.

Ночь проспать не мороча.
Спят от пол жужжан.
Стем. Открыта дорога,
Как лицо. Ишь капкан.

Смн. Шаги домоначдцев
Над тобою легки.
Смн, пока допрычнется
Тебя летуны.

Рано утром парного
Будут молча стоять
И не станут ворота
Спешить затворять.

И до поворота
Будут молча стоять
И не станут ворота
Спешить затворять.

И отдают последние приказы,
Беззвучно губами шевелят.
Я цель нишу и нахожу не сразу,
Подоспичи на лоток кладет снаряд.

И чуя я, как глубоко прогрета
Земля под низким небом и травой.
Бесцветная сигнальная ракетка
Раскачивается над головой.

И ветер неоминдано стихает,
И пахнет нитрокарсисую броня,
И на березе почка набухает —
В шести шагах от линии огня.

Невидимую сетку напряжена
Я долгожданным выстрелом прорву...
[Я знаю дальше каждое мгновенье:
Их не во сне я прожил — наяву.]

И пушка бьет.
И вздрагивает почва,
И дым на бруствер падает ничком...
Набувшая березовая почка
В меня стреляет остреньким листком.

Вот и родина, Прикамье.
Два тоннеля под мостом.
Длинный поезд бьет колесом.
Но невесело пока мне.

Кружат черные леса,
Предо мною замирают.
Перед сном так замирают
Рейбятские голоса.

И у детства на краю
Ходят медленные горы.

И знакомые повторы
В долгих песнях признаю.

Не озиная границы
Деревянных городов.
Провода летят, и птицы,
Птицы нине проводов.

Нелегко себя унять...
Но страшней всего на свете
Корешков моего не встретить.
Если встретить — не узнать.

Сентябрь. Бегущий месяц. Тополя,
Что кони, вздрагивают головами.
И движется проселок, не пыля,
Почти пустой, один между полями.
Какая ясность поздняя вокруг —
Все чисто и светло! Но убывает
Прозрачный день, как будто дальний

Такой прозрачный — тоньше не бывает.
А птичка вылетает из-под ног,
Беззвучной серой молнией мновою,
Ударивши крыльям о песок,
И опронинувшись над головою.
И набирают силу ветерини.
И назревают звезды в поднебесье.
Но бережет проселок равновесье
И сонное могущество реки.

Олег БОГДАНОВ

Сказки

Счастливые!
Вам сказывали сказки,
А мне их в детстве слышать не пришлось.
С того я, видно, жаден так на ласки,
Да к странностям во мне такая злость.
А в детстве мать — работа...
Бабуля — сплужба...
Сестренки — школа...
Я один, как перст...
А как мне нужно, как мне было нужно
Все чудеса хоть в сказках подсмотреть.
А что я видел!
Дома — пусто, голо.
Сидишь весь день, тоскуешь, как сверчок.
На Украине был в ту пору голод...
Конечно, про румяную краюшку,
Беспорочно, о картошке отварной...

Я отводил мальчишескую душу
Пригрзневшейся ситою страной.
Потом медовым запахом черешен.
Таную от окраины городских,
В дубовой роще густо пахно лесным,
Грибам повелевал до реки...
Потом война...

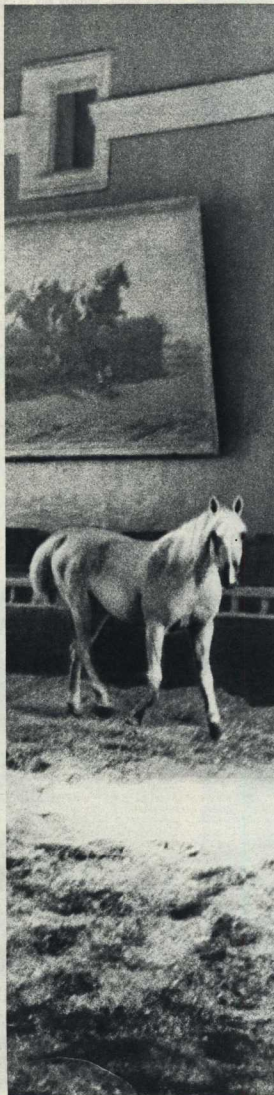
Мне достать.
Быть бы взрослым!
Отец погнб, едва шинель надел.
Сестренки с первых бомб ушли
в медседстры,
Мать на работе.
Мне один удел:
С утра кормлю я кроличью ораву.
«Самистая наверзи!» —
Гоню гунарей,
И по дрова в приречную дубраву.
Война войной, а стужа у дверей...
Днями школа — скучно.
Вечером на крыше.
Осколков разбойнойе шлепки...
А сказок нет, их кто-то только пишет,
Они еще как звезды, далеки.
Вои в чубе — глывь — засрабрилиски краски,
В глазах — ностры дорог, прохлада рек...
Эк! В детство не явившиеся сказки,
Я вас нищу, упрямые человек!
Но что еще там!
Кинуть без опаски
Любое неоткрытое открыти!
Я вас найду, неслыханные сказки,
Я вас найду, чтоб сыну подарить!

Птицы

Океан магнитом мощным
Танет в тяжкие глубины.
Днем и ночью, днем и ночью
Через воды и долины,
Через горы и сопки,
Сквозь невидимые вихри,
Острокрылым, остроглазым,
Реют птицы в путь великий...
Что их ждет в чужих селеньях,
Среди бурных дел нептничих,
Этих мальчишек веселых
С четким профилем волчьих!
Гнезда, дупла или клетки,
Что их ждет за целью рисков!
Вешней лпы запах клейкой,
Солнца луч своєю грозди листьев,
Комарные отары,
Мошек полчища под вечер!
Или сломенная старость,
Крылья адалывающая в плечи!
И удачи ли, удачи
Стартовать из гнезд и дупел
Продолжателям грудным!
И меж звезд не пропадут ли...
В перелете вечном, вешем
Не устанут ли под штурмом!
Каждый вечер,
каждый вечер
Я нищу их в небе черном...

Фото Т. ЛЕБЕДЕВОЙ
и В. МИШИНА

А олошица, везущая хворосту воз». И устарела уже поговорка: «доблесть мужичины в гриве коня». Двадцатому веку нужны дела волнуют теперь человека. Конечно, лошадь утратила свое утилитарное назначение, но разве от этого у нас людей двадцатого века, меньше стало оснований говорить о лошади с той нежностью, с какой говорили о ней люди с тех пор, когда научились говорить? Лошадь не изменилась, если не считать того, что она стала лучше словно стараясь угодиться за веном, бегае резвее, чем сто лет назад. Она по-прежнему предана человеку, и если сегодня, нан и тысячу лет назад, вы съедете на хорошую лошадь, пустите ее, не станете сверкивать и останавливать, она будет нести, пока не упадет, пока не разорвется у нее сердце.

Французский писатель Жюль Ренар писал шестьдесят пять лет назад: «Недалеко то время, когда лошадь будет такой же редкостью, как жираф». Очень хочется думать, что он ошибся. Сегодня мы верным жирафа в зоопарке, а лошадь — на воле. Сегодня лошадь не играет главных ролей, но и сегодня за ней остаются те роли, без которых человеку никак нельзя. Не будем говорить о все еще сохраняющемся значении лошади в современном хозяйстве, о том, что и в наши дни на одно серьезное геологическое открытие на обшлось без ее помощи. Лошадь по-прежнему помогает людям. Но не в этом теперь главное. Сегодня лошадь, а вернее сказать, неведение приняло другие функции — спортивные. И уж тут никакая автоматизация не сможет сдаться лошадь в архив — ни сегодня, ни в будущем.

Как приходит сегодня к человеку из старинных легенд? И каждому по-разному. Иной случайно ман-инбуду, сел на лошадь, и первая, еще немудрая попытка проехаться верхом оставила в нем стремление повторить «это» еще

раз. Других захватывает само зрелище конных соревнований, и если они не становятся спортсменами, то остаются яркими приверженцами. Иногда полтора назад и повел двух своих приятелей на стипль-чек, теперь нет ни одного составника или конноспортивного праздника, который бы они пропустили). А третьи, увидев лошадей в табунах канавозов, конх у нас множество по всей стране, не в состоянии остаться равнодушными. Вы знаете, что это такое, если вам пришлось видеть табун ранним утром на морном лузу, когда солнце всплывает на влажных гривах, и матери, подрагивая ушами, чутко охраняют своих жеребят на тонких прогибающихся ногах. По труд в росе стоят лошади — один беззучно жуует мокрую траву, другие стоят неподвижно и треплето, вытнувш свои породистые шиш. Они стоят так до тех пор, пока что-то волное и древнее, незаномое человеку, не позволит им бот встать куды. И они бегут все быстрой и быстрой, сильными, красивыми, наполненными своим юльным бегом, бегут, как бегит ручьи, потому что иначе им нельзя...

Если вы видели такую картину, можете быть уверены: придет время, когда, затаив дыхание, будете вы слушать рассказы о Барсе-1-м, Лебеде, Удове, Тальмон, Квадрате, Подаре и многих других лошадей, ставших легендами; с трепетом будете рассматривать старинную гравюру с изображением знаменитого Сметанин — прародителя известной на весь мир породы орловских рысаков. Вам предстоит узнать печальную повесть о судьбе нашего знаменитого дербиста Альбом, который несколько месяцев назад, предвзвешав конструирование, Амери, сломал ногу и теперь стоит в лазарете, а вокруг людей, на гряде друг за другом, заговори: «Еще побегит». А вы скажете на это: «Господи, лошадиной тоской, точно понимает, что кончалась ее жизнь, — предвзвешав конструирование, Амери, сломал ногу и теперь стоит в лазарете, а вокруг людей, на гряде друг за другом, заговори: «Еще побегит».

А вы скажете на это: «Господи, лошадиной тоской, точно понимает, что кончалась ее жизнь, — предвзвешав конструирование, Амери, сломал ногу и теперь стоит в лазарете, а вокруг людей, на гряде друг за другом, заговори: «Еще побегит».

очень важно, значительного и что теперь вот «он» пришло и останется навсегда.

Речь идет о страсти (или давать употребил модное сейчас словечко «хобби»), которая рано или поздно овладевает человеком, и ему становится радостно и странно от мысли: как это до сих пор он мог жить без нее? Я знаю многих людей, для которых таин вот хобби стала однажды нахлынувшая страсть и лошадям, страсть постоянная и непреходящая.

Не думайте, что я собираюсь рассказывать о двадцатом веке, когда лошадь была на вершине своей славы и ее почитателей было всюду великое множество. А если мы и приносимся к прошлому, то только для того, чтобы призвать в свидетели русскую литературу, потому что все «поэзия», которые дает она по «дегу о лошади», заслуживают самого серьезного внимания. Все, кого мы почитаем великими писателями, писали о лошадях. И писали там, что лучше, как говорится, не мажущая. Пушкин оставил нам столь гениальное по точности сочетание: «Ртуть и саней, верный конь» — только потому, что сам это ощутил. И, пожалуй, никогда не знали бы мы с детства любимую «птицу-тройку» и незабвенного Холстомера, если бы лошадь не была предметом любви Пушкина, Гоголя, Толстого... Страшно подумать, скольких поэтических страниц лишались бы мы, иуде у наших классиков этого музства, прошедшего всего их жизнь — чувства бескорыстной любви к лошади.

Прошло время великих конных походов, издана любимая на Русь охот со свистом, улюлюканья и ни с чем не сравнимым галопом по гунной, упругой дороге среди полей. Уходит понемногу в прошлое

воде, низин, которая ему не по душе. И еще в лазарете стоят лошади, которые побегут: их лечат навозом, душем Шарно и дают лекачества, те самые, которые дают людям, только дозы, конечно, лошадиные. В лазарете чисто и светло, как в образцовой лечебнице. Но лошади, как и люди, случаются в больницы, и по нетерпеливому их ржанию и грустным глазам видно, что хочется им выехать на дорожку.

На дорожке каждое утро тренируются лошади — заслуженные ветераны, не желающие уходить на покой без последних, решительных битв, и подающие надежды джулетки. Каждый день с утра тренируется здесь молодой красавец Яверт, который еще ни разу не проиграл и, судя по всему, не собирается этого делать. Рядом с ним и другие лошади.

Я вовсе не предлагаю вам, читатели, вот так, с места в карьер: «Запрыгайте, хлопцы, коней!» Хочу только напомнить, что среди прочих видов спорта есть и конный, в котором, пожалуй, как ни в каком другом, слились воедино спорт и поэзия.

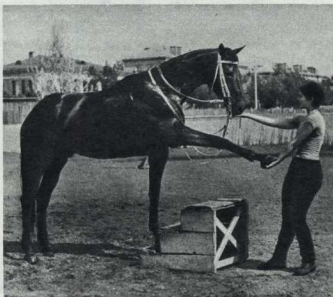

Ольга Володина — студентка Московской консерватории по классу скрипки. Конный спорт — ее страсть, недаром она перворазрядница и намерена стать мастером спорта. ◀

Лаборантка Ирина Алексеева со своим Горизонтом. На тренировке ей помогает медсестра Лена Вутузова.

Два упорных характера: мастер спорта Виктор Земсков и Имтитент.

Конкур-шпик. Это очень красиво и очень сложно. По традиции именно конкур-шпик завершает программу Олимпийских игр. ▼

ТАЙНЫ XX ВЕКА

Н. БЕЛЯНИЧКОВ

Одна два тому назад я с вполне понятным интересом и волнением прочитал несколько статей покойного ныне академика М. Н. Тихомирова и других видных советских историков, в которых говорилось о вскрытии царских усыпальниц Архангельского собора. Мне захотелось поближе узнать об истории самого собора и царских гробниц, я поднял множество исторических материалов и пришел к выводу, который, как мне кажется, объясняет многие загадки царских захоронений Московского Кремля.

Для того, чтобы обосновать свою точку зрения, я попросил читателей перенестись вместе со мной более чем на полтора столетия назад...

7 (19) октября 1812 года Наполеон покинул сожженную и разграбленную Москву, оставив в ней восемь тысяч солдат под начальством маршала Мюрте, которому приказал взорвать Кремль и уничтожить все, что еще оставалось в целостности.

К счастью, этот варварский приказ был выполнен лишь частично. Навалив полив дождя и подмочив фитилы, поэтому взрывы произошли далеко не везде, где были заложены пороховые ямы. В Кремле уцелели все соборы, в том числе и Архангельский собор, место погребения московских великих князей и русских царей, начавшаяся с Ивана Калиты и кончая царем Иваном Алексеевичем.

Однако внутренний вид соборов представлял печальную картину полного разгрома. Наверное, поэтому генерал-майор Иловайский, который 10 (22) октября со своими казаками поравнялся в оставленную французами Москву, приказал оцепить Кремль и не пускать туда никого без особого на то разрешения.

Современники Отечественной войны 1812 года, профессор Московского университета И. М. Снегирев, известный историк и археолог, в своем сочинении «Архангельский собор в Московском Кремле» дает подробное описание внутреннего вида этого собора после оставления Москвы французами: «В 1812 году он обнажен был неприятелями от своих древних украшений, ограблен и обезображен во внутренних сводах, самые гробы царские и княжеские не были пощажены от гробовых татей (разрядка моа.— Н. Б.), святилища заргромадала разная рухлядь и винные бочки; потоки вина покрывали помост храма».

Однако, что именно учили эти тати с гробницами царей, профессор Снегирев не сообщает. Надо отметить, что все русские источники ничего не говорят о состоянии царских гробниц в Архангельском соборе, делая из этого каку-то тайну. Эта фигура умолчания была применена русскими писателями и историками не случайно, и если ознакомиться с воспоминаниями французского генерала Ван-Дедема, голландца по национальности, то причина станет ясна.

Вот что пишет в своих мемуарах Ван-Дедем: «Император выехал из Москвы 19 октября, но оставил в городе маршала герцога Тревского (Мюрте.— Н. Б.). Он отдал приказ маршалу

В 1963—1964 годах в советской печати появились сообщения о чрезвычайно интересных работах историков, археологов и антропологов, получивших возможность заглянуть в ованые пещерки усыпальницы царей и великих князей старой Руси в Архангельском соборе Московского Кремля. Архитекторы и строительные работы, связанные с упрочением фундамента собора, сделали необходимым вскрытие некоторых древних гробниц. Специальная комиссия Министерства культуры СССР вскрыла погребения Ивана Грозного, его сыновей — царя Федора Ивановича и царевича Ивана Ивановича, а также князя Скопина-Шуйского.

Изучение захоронения и останков бывших правителей Руси поставило перед учеными ряд вопросов, которые до сих пор еще ждут ответа. Кандидат исторических наук В. Кобрин писал, что «например, никак пока невозможно объяснить необычной по форме правый рука Ивана Грозного. Изучение скелета... тоже дает много пищи для размышлений» («Неделя» № 14, 1964 г.).

Результаты работы специальной комиссии заинтересовали не только специалистов, но и многочисленных любителей русской истории.

Скромная публикация статьи одного из старших путешественников в глубины веков — Николая Николаевича Болдырева, предлающего необычное и смелое решение недоумимых вопросов, которые поставили перед историками погребения царей старой Руси.

взорвать дворец в знак маленькой революционной мести и арсенал, хотя уже разграбленный русскими и французами... Даже гробниц царей и тех не пощадил! Мне пришлось видеть, как валился на землю небальзамированные царские останки и как их топтали солдаты, думавшие обогатиться, срывая с них статуи, которые они принимали за настоящие драгоценные камни...»

Таким образом, то, что лишь в общих чертах рассказав о царских гробницах профессор Снегирев, французский генерал Ван-Дедем освещает подробно и обстоятельно.

Не верить Ван-Дедему у нас нет никаких оснований. Он записал то, чему был очевидцем. Он ничего не выдумывал и не скрывал, и это придает его мемуарам особую ценность как историческому источнику. Правда, другие мемуары иностранцы ничего не говорят о разграблении царских могил, но это объясняется тем, что 19 октября они вместе со своими частями уже выступили из Москвы. Ван-Дедем же был в отряде Мюрте, оставленном в Москве.

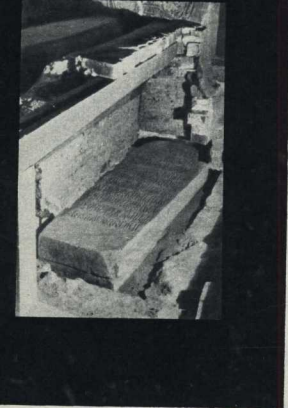
Кроме того, и сам профессор Снегирев в одном из сочинений мельком упоминает о том, что французские солдаты выбросили из раки тело царевича Дмитрия, убитого в Угличе. Священник И. Я. Вениамин, живший в то время в кремлевском Вознесенском монастыре, случайно обнаружил тело царевича близ собора и спрятал его в надежном месте.

Если такая участь, по свидетельству русского историка, постигла тело царевича Дмитрия, почему не предположить, что и другие царские останки были выброшены из гробниц!

Теперь понятно, почему власти поспешили запечатать соборы, а генерал Иловайский, окружив Кремль севастопольскими войсками, считая кому бы то ни было, за исключением сенатских чиновников и представителей духовенства, приводивших до 1 февраля 1813 года под руководством епископа дмитровского Августина мощи и царские могилы в порядок. Из бумаг А. Я. Булгакова видно, что соборы и церкви все запечатаны до прибытия Августина (фактического преемника московского митрополита Платона, скончавшегося в ноябре 1812 года).

Таким образом, «Кремль был запечатан для безопасности с 10 (22) октября 1812 года по 1 февраля 1813 года, то есть более трех месяцев, в течение которых епископ Августин производил рядком кремлевские соборы и разграбленные могилы. К сожалению, в исторической литературе нет указания на то, сколько царских и княжеских могил из 46 было вскрыто французами и чьи останки, неизвестно также, по каким признакам Августин установил останки Ивана Грозного, Федора Ивановича и других князей и царей, если эти останки, по словам Ван-Дедема, в растоптанном и беспорядочном виде валились на полу собора».

Августин унес эту тайну с собой в могилу. Однако есть основания утверждать, что осмотренные в 1963 году специальной комиссией гробни-

Гробницы Ивана Грозного и его сыновей в Архангельском соборе.

цы Ивана Грозного, Федора Ивановича, а также старшего сына Грозного царевича Ивана Ивановича и князя Скопина-Шуйского были французами вскрыты и разграблены.

Каковы же эти основания?

Давайте ознакомимся с «сценом» погребения московских великих князей и русских царей. Из сочинения Г. К. Котошикина «Ю Россия в царствование Алексея Михайловича» видно, что, когда царь умирал, его тело после омовения накрывали в полное царское облачение и клали в деревянный гроб, оббитый бархатом. В гроб клали икону, царской венцы, иногда деньги, а также текст «разрешительной молитвы» на отдельном листе. Никаких сосудов с миром или еще с чем-нибудь в гроб не клали. Самый же гроб выдвигался из целого дуба или сосны.

В каком же виде находились останки Ивана Грозного и Федора Ивановича, когда их осматривала комиссия?

Грозный лежал в одежде смирника, от которой остались «наду зримые следы». Кроме того, в гробнице найдены хубок из голубого венечанского стекла, в котором было мирно, то есть особый благоуханный состав, употребляемый при разных церковных обрядах и, в частности, в России — при венчании и короновании царей. Ни в духовной, ни в светской литературе не упоминается вовсе об обычке класть в гроб какой-либо сосуд.

Ведь в каждом обрядовом действии всегда был заложено какой-то определенный смысл, а какой смысл мог быть заложено в оставлении покойнику сосуда с миром, когда «разрешительная молитва» открывала ему путь в рай и без него? Возможно, что голубой сосуд попал в гробницу Грозного тогда, когда просвоященный Августин со своими помощниками приводил гробницы в порядок.

Еще одно более чем странное обстоятельство обращает на себя внимание. Оказывается, что все покойники, в том числе и Грозный, были плотно спеленаты каким-то покровом и поверх повязаны еще и жгутом. Котошикин же прямо говорит, что царей хоронили на царском одеянии. Следовательно в гробнице должны были находиться, кроме царского венца, и золотчатый кафтан, шитый из особой материи, или хотя бы остатки этого кафтана.

Откуда же взялись покровы и жгуты? Ответ на это может быть только один: скелеты были спеленаты и повязаны жгутами по распоряжению того же Августина.

Интересно было бы путем экспертизы установить, к какому времени можно отнести изготовление жгута, из которой были шиты эти покровы.

При осмотре скелета Грозного установлено, что его правая рука приподнята к правому плечу, а не скрещена, как подобало, на груди с левой рукой. Это обстоятельство только лишь раз доказывает, что скелет был положен в гробницу Грозного в повороченном виде, чего, конечно, не могло быть при первоначальном погребении. Если учесть сообщение Ван-Дедема о

полном разгроме царских гробниц, о распятии их и разбросании по асфальту собор царских останков и другие вышесказанные обстоятельства, то не может быть и полной уверенности в том, что в гробницу Грозного Августин был положен обратно именно его скелет, лежавший при том же в деревянном гробу, как бы это следовало, — в каменном помехе, которым для плеч покойного пришлось вырубить две «лишние места», так как труп Грозного якобы не сразу поместился в этот локте.

Дело, надо прямо сказать, невероятное и немалосмысленное, так как при погребении царя гробница всегда делалась точно по размеру гроба и, следовательно, не могла и возникнуть необходимости вырубать в ней какое-то «лишнее место». Если это было сделано при Августине, то, значит, в могилу положили скелет другого человека и вырубил «лишнее место», так как он оказался больше роста, чем Грозный. Таким образом, очень возможно, что комиссия обследовала мнимый скелет Грозного. Не меньшее сомнение вызывает и гробница Федора Ивановича. Уж если одно то обстоятельство, что в нем тоже был найден небольшой пустой сосуд, сделанный из простого стекла, говорит о нарушении первоначального его «чужо» погребения. В гробнице нет никаких признаков «царского одеяния», вместо него оказались только какой-то ватный и ватный порок на тканой италийской камки пурпурного цвета и кафтан, подпоясанный ремнем.

Непропорционально маленькая голова его по сравнению с ширококостным туловищем. Возможна ли в анатомической точке зрения такая диспропорция в строении тела? Голова ли это Федора, мнимого, по словам князя Катерина-Ростовского, приземистый вид и «нос ястребинный»?

Его ли это туловище? Кто уверенно может сказать, что это скелет именно Федора Ивановича и не кого-либо другого? Ясно тут пока что одно: могила его тоже подвергалась вскрытию и разграблению. Скелет царя был выброшен из могилы и где-то валялся на полу среди других распятих и истерзанных скелетов. Можно ли в таких условиях безошибочно разобраться в костях покойников? Какие именно признаки принадлежности скелета Федору Ивановичу дали Августину основание положить в его могилу обнаруженный в ней скелет с непомерно маленьким, почти детским черепом, неизвестно.

Историки говорят князь Катерина-Ростовский, описавший наружность Федора Ивановича, ничего не говорит об этой несообразности, граничащей с уродством.

Размеры журнальной статьи не позволяют мне детально ознакомить читателей с целым рядом других любопытных деталей, обнаруженных при вскрытии могилы и говорящих в пользу моей гипотезы. Однако и того, что приведено здесь, достаточно для критического раздумья. Одни лишь логические соображения не в силах, конечно, привести к высказанной истине. Необходимо новая научная экспертиза гробниц Архангельского собора с учетом событий, имевших место осенью 1812 года.

ОТВЕТ

«ДОМАШНИЙ»

ИЗДАНИЕ

Увлечение гимнастикой часто начинается с турника. Этот некий герой, называемый «спортивной гимнастикой», переключаясь, можно увидеть по всюду. Турник редко пустует. На нем постоянно кто-то работает, кто-то занимается. Обычно это мальчишки. Но бывает, что пробуют свои силы и парни постарше. Как правило, «спортивная» гимнастика беспомощна. Они не знают упражнений, не имеют понятия о спортивной технике. И вот и нам в редакцию приходит такие письма.

«Я прошу вас напечатать в журнале «Смена» фигуры по турнику», — это пишет Геннадий Шинкев из села Шинкино Быт Висьского района Алтайского края. А вот другое письмо, от рядового Советского Армии А. Намова: «Дорогая редакция! Просим вас дать в журнале первые упражнения для начинающих гимнастов на перекладинах, брусьях, кольцах, на брусьях. У нас в подразделении много ребят, которые хотят заниматься гимнастикой».

Прочитав эти и многие другие письма, истинно свое детство. Мы побывали и гимнастике тоже началось с турника. Учился я в то время в старшем классе. Однажды я увидел поназательные выступления гимнастов на перекладинах и тут же решил научиться выполнять «солнце». На другой день я «построился» на дворе турник, убрел между тополом и забором турника, не имея, что «крутить солнце» мне было не под силу, но гимнастика — это «спортивные элементы». Раздобыл толстый учебник по гимнастике, руководствуясь рисунками, начал зазубривать все по порядку.

Однажды на первых упражнениях был вис на носках. Я зацепился носками, осторожно отпустил руки и, убедившись, что движенье вытаскивания не грозит, я сел было приятно. Повисев вдоволь, я решил, что надо встать за турник своими руками. Но не тут-то было. Как ни старался, а достать руками перекладины не мог; гимнастика закончилась под грозный смех зрителей грохнулся на землю. На том мои занятия на домашних перекладинах закончились.

Я, как говорится, отдался легким испугом. Но потом мне случалось видеть, как неподготовленные ребята, пытаясь сделать на самодельном турнике это самое «солнце», сваливались и получали опасные повреждения.

В гимнастике, как и в любом деле, нужны постепенность и опытный глаз. Новичок, прыдя в секцию, занимается не только на перекладинах, но и на брусьях, кольцах, маче, делает много общеразвивающих упражнений. Каждый его шаг руководит тренер. Проходит год, а то и больше, прежде чем юный гимнаст освоит первую развлекательную ступеньку. Заветное «солнце» я начал пробовать только на третьем году занятий.

В гимнастике, как и в любом спорте, есть «школа». Это значит, что у тебя должна быть хорошая осанка. Гимнаст должен уметь красиво держаться на снарядах. Гимнаст обязан обладать инстинктом самосохранения, быть выносливым, сильным, спортивным, ловким. Все это достигается с помощью тренировок. Надо заниматься с тренером.

Ну, а если случилось так, что сейчас в поле или в лесу, а турника нет, то можно своей секции нет? Кто же тогда, не зная правил, может? Нет, заниматься надо обязательно. Ноги, как бы ты ни старался, не поступятся в секцию. А пока готовь себя к будущим занятиям. Вспомни, необходимо развивать свои физические способности. Для этого займись любыми видами спорта: футбол, хоккей, волейбол, бегая, прыгая, плавая. В-третьих, если твой смелый друг, то тебе будет полезно лазить по канату, по вертикальному шесту, подтягиваться. Будешь учиться, смелее стой на голове, прыгай. Если получится, пробуй выполнять любую из наших упражнений.

Ну, а турник? Турник — это домом товарищ, который может показаться, обидно и похотеть, но не надо. Пользы от этих попыток не жди, а вред может быть немалый.

А. КУЛАКОВ,
мастер спорта

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Каждую неделю в поленом еженедельнике «Пшекур» повелевает маленькая история об инспекторе Вернере, показывающем чудеса логического анализа при раскрытии преступлений. Впрочем, единственным, что требуется читателю, чтобы потягаться с инспектором, — так это внимательность. Судите сами.

ОТКРЫТЫЙ СЕЙФ

Директор завода Грен рассказал следующее:

— Утром, придя на работу, я вспомнил, что оставил дома в сейфе важные документы, и послал за ними своего секретаря. Через 20 минут он позвонил мне и сказал, что сейф кем-то был открыт, и все его содержимое раскидано по полу. Я поспешил домой. К счастью, все документы были на месте. Но деньги, которые хранились в сейфе, исчезли.

— Кто, кроме секретаря, мог открыть сейф? — спросил инспектор Вернер.

— Мой двоюродный брат Гектор и домработница.

Инспектор внимательно осмотрел сейф, дверь кабинета, стол, телефон и другие предметы, находящиеся в комнате. Он искал отпечатки пальцев, но все было тщательно вытерто.

Инспектор приступил к допросу секретаря. Тот показал:

— Я был так взволнован при виде открытого сейфа, что не стал искать докумен-

ты и вообще ничего не трогал, а сразу позвонил директору.

Домработница заявила, что она все это время была на кухне и даже не знала о приходе секретаря. Дверь ему открыл Гектор, который, по его словам, сразу же ушел к себе в комнату и уже там услышал крики секретаря.

— Вы входили в комнату, где стоял сейф, до прихода секретаря? — спросил инспектор домработницу.

— Я не была там со вчерашнего дня.

— Тогда мне все ясно, — заявил Вернер. А вам?

полицейских, которым
подал мешок и рассказа-
ю о случившемся.

Инспектор Вернер раз-
влекл мешок и вынул из
него дорожную фарфоро-
вую китайскую вазу
эпохи Минь.

Убийца оказался
электриком, работавшим
в музее, — заявил ин-
спектор. — Как же вы не
узнали его?

— Я видела его только
со спины.

— Вы ждете! — ска-
зал Вернер. — Это вы хо-
тели украсть вазу и за-
стрелили человека, ко-
торый пытался помеща-
ть ее в вагон.

Какая же часть пока-
заний сторожа выдала
его с головой?

Когда он был уже в д-
верях, я выстрелил, соби-
равшись только ронять
его, но выстрел оказался
смертельным. Я выбежал
за стена и увидел двух

ЗАШИФРОВАННАЯ АРИФМЕТИКА

Найдите цифровое значение букв в следую-
щем примере: $AKA + KAA = BEA + EBA =$
 $CDA + DCA = 1102$, если $EA = K^2$, а $DC = E^2$.

ПЕРЕСТАНОВКА ПУГОВИЦ

1. Уберите четыре пугови-
цы так, чтобы получилось
число 10.

2. Переставьте четыре
пуговицы так, чтобы полу-
чилось четыре ряда по че-
тыре пуговицы.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ ИЗ № 17

Кусок льда, плавающий в
озере, вытесняет столько же
воды, сколько весит сам. Этот
же закон справедлив и по
отношению ко всем предме-
там, находящимся в воде,
в частности и в озере с
целью и тому же куску
льда, положенному на дно
лоды. Следовательно, когда
кусок льда вынули из воды
и положили на лодку, все
осталось как было и уров-
ень озера не изменился.
Когда же вновь с целью
уложили на дно, объем вытес-
ненной ими воды стал равен
их объему. Поэтому уровень
озера понизился.

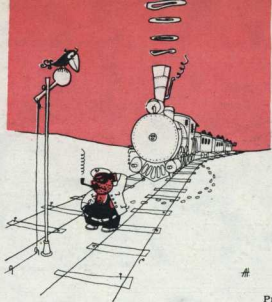
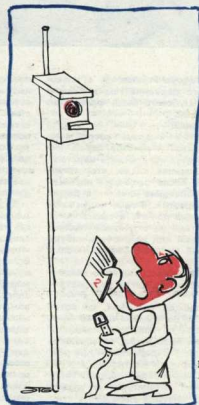

Рисунок
А. НЕКРАСОВА

—ТАК ВОТ ДЛЯ
ЧЕГО ТЫ ПОСТРО-
ИЛ СКВОРЕЦНИН.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международная жюри — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-60; студенческой молодежи — Д 0-49-98; информации — Д 3-31-60; оформление — Д 0-30-30.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замощкин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Куклинов, Е. И. Рабчинков, Г. В. Семенов, С. С. Самарнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Г. Степанова.

А 02416.
Тираж 900 000.
Заказ № 2797.

Подписано к печати 4/Х 1965 г.
Изд. № 1598.
Формат бумаги 70 × 108/16.

2 бум. л. — 5,48 бум. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рисунок А. ДЕМИНА

КРОССВОРД

Составила
П. МИТРОФАНОВА,
г. Москва

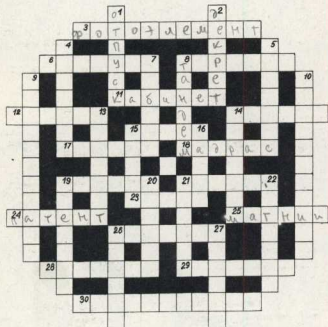
По горизонтали:

3. Прибор, преобразующий световое излучение в электрический ток; 6. Сумчатое животное; 8. Приток Енисея; 11. Помещение, оборудованное для специальных занятий; 12. Областной центр в РСФСР; 14. Венгерский композитор и пианист; 15. Ансамбль музыкантов-исполнителей; 17. Иранский писатель; автор поэмы «Владимир Ильич Ленин»; 18. Крутой порт и культурный центр на юге Индии; 19. Река в Китае и Бирме; 21. Аппарат; 23. Тропическое дерево; 24. Свидетельство о праве на изобретение; 25. Серебристо-белый металл; 26. Разрывной снаряд; 28. Действующее лицо в романе М. Горького «Мать»; 29. Сложный узор-

чатый орнамент; 30. Класс рабочих, эксплуатируемых в капиталистическом обществе.

По вертикали:

1. Освобождение от работы для отдыха; 2. Постановление верховной власти; уезд; закон; 4. Часть круга; 5. Древняя рукопись; 7. Основное население союзной советской республике; 8. Многоместный велосипед; 9. Всемирные студенческие игры; 10. Автор оперы «Панды»; 13. Анимационный инструмент; 14. Ударный музыкальный элемент; 14. Ударный музыкальный элемент; 14. Ударный музыкальный элемент; 15. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Полтава»; 16. Клеймо, вынуждаемое на домашнем животном; 19. Порт для книг; 20. Порт в Мозамбике; 21. Старинный балльный танец; 22. Рабочий текстильной фабрики; 26. Река в Северной Америке; 27. Лирический танец в балете.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

1. «Корсар»; 3. «Стрела»; 5. Тезис; 7. Агадир; 8. Смольне; 9. Радон; 11. Олтин; 13. Гауана; 15. «Тропа»; 17. Вронона; 18. Натан; 21. Тенесо; 22. Ганга; 23. Караен; 25. Новара; 27. Карас; 29. Кошвар; 31. Кальна; 33. Карач; 35. Китгул; 36. Ромар; 37. Валлея; 39. Галева; 41. Астаря; 43. Струас; 45. Верста; 47. Каньон; 49. Суппорт; 50. Смолна; 51. Жавари; 52. Евраен; 53. Дубини.

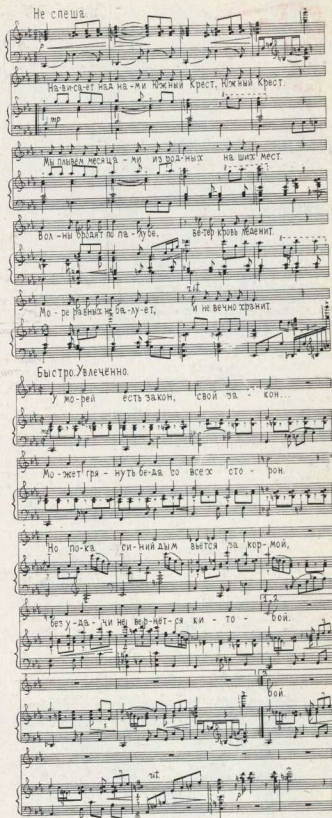
По вертикали:

1. Кубора; 2. Арагон; 3. Старол; 4. Ласни; 5. Телега; 6. Истина; 10. Цидлон; 12. Ивано; 14. Вагнер; 15. «Тройва»; 16. Натан; 17. Вронона; 18. Кагера; 19. Сарва; 20. Лосось; 24. Ратуца; 26. Ваниль; 28. Рапиря; 29. Корова; 30. Раягита; 31. Калуга; 32. Нарета; 33. Карнас; 34. Чивара; 38. Люстри; 40. Зетерс; 42. Гараль; 43. Стравя; 44. Усуури; 45. «Вертег»; 46. Тасман; 47. Кысаду; 48. Онгига.

ГОЛУБЫЕ КИТЫ

Слова
Григория
ПОЖЕЯНА

Музыка
Бориса
РАЙКОВА

Нависает над нами
Южный Крест, Южный Крест.
Мы плывем мясцами
из моря на южные кресты.
Волны бродят по ледяной
морше, ветер кресты живит.
Море равных не балует
и не вечно хранит.

Наши руки тяжелые,
наши плечи круты.
Между нами и жеман —
голубые киты.

Припев:

Из морей в океаны
среди льдов, среди льдов
и в шторгах и в туалыв
мы выходим на пов.
Где-то в толпелной комнате
своей спокойный погас.
Вы, пожалуйте, вспомните
тех, кто помнит о вас...

Припев:

У морей есть закон,
своей закон...
Может грянуть беда
со всех сторон.
Но пока синий дым
вылет за кормой,
без удачи не вернется
китобой.

Припев:

У морей есть закон,
своей закон...
Может грянуть беда
со всех сторон.
Но пока синий дым
вылет за кормой,
без удачи не вернется
китобой.

Мы вернемся не скоро
и наша жена домою,
жить в моря, китобой.

Проводится у нас в стране «какой конкурс: 50 лучших книг года». Конкурс художников и оформителей книги. И уже как-то все привыкли, что 3—7 дипломов «уезжают» в Литву. В этой маленькой республике любят и умеют хорошо делать книжки.

Стасис Красаускас, как и многие его коллеги, тоже не раз получал премии на всенного рода конкурсах и смотрах. Знают его не только в Литве. Не то чтобы он был самый талантливый из всех молодых литовских графиков, да и что, собственно, устанавливает эту награду — 1-й, 2-й, 3-й, 10-й. Просто ему повезло. Он иллюстрировал «Человена» Эдуарда Мажалайтиса, книгу, которую прочитала вся страна. И не только стихи, но и иллюстрации очень многим понравились.

Голоса поэта и художника звучат в унисон. Это были как бы свободные размышления графика на тему, подсказанную поэтом. Нотные знаки

перерастали в стелби ритм, лучи солнца становились струнами лиры. Стихи нельзя понимать прямолинейно, буквально, надо самому быть поэтом.

В его активе было уже несколько десятков произведений в прозаических книгах — повестей и романов, сатиры. Но поистине утвердилось мнение, что Красаускас лучше всего «читает» поэзию. И именно встреча с настоящей поэзией помогла ему найти себя. Он сделал акцент в поэме Ю. Мазинявичюса «Кровь и пепел», поэме о трагедии литовской деревни Пирчюпис, всех интеллигов которой расстреляли фашисты. Резкие, нервные, угловатые линии, контрастные сочетания помогли художнику на редкость точно и смело показать трагедию войны.

Тема высокой человеческой трагедии — главная и в иллюстрациях и поэме Р. Рондестанского «Реванш». Вони будто смотрят сквозь слез пахаря, на мирную жизнь — на пахаря, на любовь, на детей, на все, ради чего он сложил голову.

Красаускас умеет несолькими линиями рассказать о многом. Есть у замечательного чешского карикатуриста и писателя Адольфа Горнштейра слова, очень подходящие к творчеству молодого мастера: «Во множестве линий глаз заблудится; чем меньше — тем лучше, тем вернее».

После «Человена» Красаускас оформил еще одну книгу Э. Мемелайтиса — «Кариограмма». А потом его начали преследовать неудачи. Трудно было найти сразу что-то новое после серии интересных работ. Он начал цитировать самого себя, а порой художнику изменял вкус, и он становился манерен. Выход из кризиса мог ему найти и Слущис. Литографуры и его повести «Дорога поверачивает и на» были очень удачными и опровергли мнение, что сфера Красаускаса — только поэзия. Если говорить точнее, его сфера — это лирика и философия. А они не чужды ни поэзии, ни прозе.

Е. ТЕЛЕГИНА

ЛИТОГРАВЮРЫ ИЗ ТЕМЫ «НА СТРАЖЕ МИРА».

ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ РАССКАЗОВ М. СЛУЦКИСА «УВЕРТЮРА И ТРИ ДЕЙСТВИЯ».

